

СТЕКЛЯННЫЙ
САД

НАТАЛЬЯ
АЛЕКСАНДРОВА

ЩИТ
ЦАРЯ ЛЕОНИДА

Наталья Николаевна Александрова
Стекланный сад.
Щит царя Леонида
Серия «Двойной артефакт-детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68415308
Стекланный сад; Щит царя Леонида: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-176793-8

Аннотация

«Стекланный сад»

Спасаясь от тайной венецианской полиции – сбиров, племянница знаменитого алхимика и колдуна Сантакьяра укрылась в необыкновенном стеклянном саду, созданном мастерами-стеклодувами, и превратилась в уникальную стеклянную статую...

Маша Кочетова всю жизнь была мямлей и неудачницей, но в последнее время ее осаждают странные видения. Она видит удивительный сад, полностью из стекла – светло-голубые деревья, изящные застывшие фонтаны, полупрозрачные статуи. И только этот стекланный сад поможет Маше полностью изменить свою жизнь и спасти подруг от неминуемой смерти...

«Щит царя Леонида»

Легенда гласит, что этот старый щит принадлежал еще мифическому Гераклу, именно с ним он совершал свои подвиги. Теперь же щит достался правителю Спарты Леониду, который всего лишь с тремя сотнями воинов героически сражался с персами в Фермопильском ущелье...

В последнее время Алина Воробьева стала замечать, что в ее жизни происходит что-то непонятное. Вещи в ее квартире оказываются не на своих местах, она почти ничего не помнит из своего детства и юности, а теперь под видом соседки в гости заявила непонятная девица, якобы за вантузом, но ей что-то явно нужно в квартире Алины...

Повести ранее опубликованы.

Содержание

Стекланный сад	6
Конец ознакомительного фрагмента.	162

**Наталья Николаевна
Александрова
Стекло́нный сад.
Щит царя Леони́да**

© Александрова Н.Н., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Стеклянный сад

Маша брела по улице, внимательно глядя под ноги, чтобы не вляпаться в лужу, есть за ней такой грех, совершенно не смотрит, куда идет. И вообще жалко будет новые туфли.

Долго их выбирала, колебалась, все решала, что лучше – туфли сейчас или платье, а туфли отложить на осень, чтобы носить их исключительно на выход, как говорит свекровь.

«На *каждый* день, – твердит, – можно что и попроще, а что получше, то непременно побережь. А то если выходные туфли да платье на *каждый* день надевать, то вещь очень быстро в тряпку превратится, нужно будет новую покупать, так все денежки и профуфуются».

Так и произносит «каждый», а не «каждый», как все нормальные люди. И еще словечки разные, как она считает, народные.

Это у нее в последние годы началось, когда она на пенсию вышла. Раньше-то работала в школе, нормально изъяснялась, приличным литературным языком, а теперь вот в народ пошла. Пословицами сыплет, поговорками: «Где родился – там и пригодился», «Мал золотник, да дорог», «Без труда не вытянешь рыбку из пруда», «Пусти козла в огород»...

Какой огород? Сроду у нее никакого огорода не было, дачки крошечной на шести сотках – и того нет, Тошку маленького некуда вывезти было, приходилось снимать халупу ка-

кую-то без воды и печки.

И каждый раз, как выдает свекровь очередную поговорку, непременно смотрит на Машу, поджав губы, как будто все это к ней относится.

Мол, мы-то понимаем, о ком речь, да только не скажем, мол, мы-то люди деликатные...

Как всегда, когда вспоминалась свекровь, тут же у Маши заломило виски, в них как будто ввинчивался ее скрипучий голос.

Она потрясла головой и все-таки вступила в лужу.

Да уж, день сегодня и правда ужасный. А когда они у нее были, хорошие дни?

Туфли, конечно, по выражению той же свекрови, товарный вид потеряли. Откровенно говоря, они ей и не нравятся: и неудобные, и цвет ей не подходит.

Вчера только мерила, всего-то попросила две пары принести. Так продавщица так разоралась – сами не знаете, чего хотите! Коробку ей бросила, вроде бы на полразмера больше, и все равно чуть тесноваты туфли. А Маша купила, хотя надо было не брать, раз такое отношение. Но не может она заставить людей себя уважать.

И сегодня с утра не успела на работу прийти, начальник крикнул из кабинета:

– Кочетова, завтра в командировку поедешь!

Маша так и встала на месте, потом в кабинет бросилась:

– Сергей Николаевич, как же так? Договорились, что Лос-

кутова поедет, я и так уже два раза подряд ездила в этот Металлопрокат.

– Я с тобой ни о чем не договаривался, – шеф отвечает. Это у него манера такая, строгая, как он сам говорит. – Я, – говорит, – с подчиненными строг, но справедлив.

Какая уж тут справедливость, когда она подряд два раза, да еще и третий нороят послать, а Ирка Лоскутова уже два месяца никуда не ездила.

Сначала по-хорошему попросила ее подменить – дескать, мама тяжело больна, Маша и согласилась. Да только бухгалтер Антонина Ивановна ей потом и сказала: дура ты, дура, ничему тебя жизнь не учит. Ирка-то с хахалем в пансионат намылилась на четыре дня, два отгула у начальника выпросила.

А в этот раз сразу поняла Ирка, что с мамой больной номер не прокатит, так, видно, заранее к начальнику подольстилась. Так-то он с подчиненными не спит, принципы у него, опять же Ирка противная такая, сплетница жуткая. А на самом деле, та же бухгалтер считает, что ему и жены-то многовато, все-таки возраст прилично за пятьдесят.

Так что начальник уже все заранее решил, поедешь, говорит, и точка. А если не нравится, то вот тебе Бог, а вот – порог, увольняйся прямо сейчас. Никто не держит.

Ага, увольняйся, а кто тогда в командировку поедет? Пугает только начальник, когда он еще человека на ее место найдет? Да к тому же такого покладистого и безотказного.

Но Маша понимать-то все понимает, а сказать резко не может, не умеет, такой уж у нее характер. И можно ведь плюнуть на все да уйти, так боится. Профессии у нее, считай, никакой, образование – техникум, как представит она уни- зительные разговоры с кадровиками, да еще дома свекровь будет пилить, мол, не дал тебе Бог ума, так сиди на месте и не дергайся.

Муж свою мамочку всегда поддержит, на Машу смотрит снисходительно, покрикивает, зовет Маруськой. Нарочно так говорит, знает, что Маше неприятно.

Маша смотрит на начальника, закусив губу, и сказать ничего ему не может, обещал же он ей в прошлый раз, что не пошлет в ближайшее время в этот чертов Металлопрокат. И забыл, конечно, улестила его Лоскутова, уговорила.

А начальник увидел на ее глазах слезы и еще больше разо- злился.

Меня, кричит, уговаривать не надо, поедешь – и точка! Кулаком еще по столу стукнул, так что ручку сломал дареную, дорогую. От этого еще больше рассвирепел.

Еле досидела Маша до обеда, никто ее не трогал, даже Лоскутова куда-то из комнаты испарилась, видно, совестно все же.

Перед обедом поймала ее бухгалтер Антонина Ивановна, сунула документы, что в Металлопрокат отвезти нужно, ска- зала, что она потом в банк уйдет, так что лучше сейчас разо- браться. И ты, говорит, иди с обеда домой, скажешь, что со-

браться нужно.

На улице дождь хлещет, но Маша все равно ушла, чтобы злорадной морды Лоскутовой не видеть.

И вот теперь куда деться? Не домой же, там свекровь привяжется с вопросами, вечером муж явится, непременно скандал устроит.

И ведь Маша точно знает, что ему все равно, есть она в доме или нет, он и не заметит, если она не придет. Но обязательно выскажет все про командировку. Это мамаша ему в уши напела, что женщина семейная должна при доме находиться, с чужими мужиками по командировкам не мотаться.

При том, что муж абсолютно ее не ревнует. И свекровь в этом плане тоже спокойна, так прямо и говорит при Маше: «На нашу-то кто польстится – ни рожи ни кожи у ней нету...» Ага, так и говорит – не у нее, а у ней, это уж обязательно.

Маша в свое время глупость сделала, рассказала им, что начальник придирается. Свекровь тут же высунулась, это, говорит, потому, что ты себя поставить не умеешь.

Что за выражение такое – «поставить»? Что она – кресло, комод или вешалка в прихожей?

Вот я, свекровь говорит, всегда себя поставить умела.

Ну да, это уж конечно. Если по габаритам свекрови судить, то не женщина, а шкаф платяной трехстворчатый, его уж если поставят, то с места лет пятьдесят не сдвигают.

Нет, домой сил нет идти. Хотя собраться и правда надо.

Прямой электрички до этого самого Металлопроката (чтоб он сгорел целиком) нет, нужно ехать до узла железнодорожного, а там пересаживаться на дизельный подкидыш.

Но дело в том, что этот подкидыш ходит два раза в сутки, и чтобы поспеть к нему, нужно сесть на электричку, которая отходит в шесть пятнадцать.

Значит, встать в пять утра и ехать на первом поезде метро до вокзала, а там бежать бегом. И когда она, невыспавшаяся и пропахшая дымом дешевых сигарет, попадет в этот Металлопрокат, ее встретят хмурые небритые мужики, которые даже на здрасте не отвечают. Директор завода сильно пьющий, бухгалтерша – жуткая баба с вечно поджатыми губами, секретарша – блондинка не первой молодости с накачанными гелем губами (кто сейчас так делает?).

Она спит с директором и стережет его почище кавказской овчарки, опасается всех женщин от пятнадцати до пятидесяти пяти.

Разговаривают на этом заводе все исключительно матом, кроме секретарши, та только шипит, как рассерженная кобра. Пока добьешься от них толку, семь потов сойдет.

Ночевать раньше можно было в служебной гостинице, но там огромные злющие клопы и замки на дверях номеров, считай, что никакие, могут ночью пьяные вломиться. К тому же за кражу личных вещей администрация не отвечает, это у них возле стойки крупными буквами написано.

Украли у Маши как-то кошелек, хорошо там денег мало

было, но кошелек новый, жалко.

Так что теперь нужно комнату снимать у бабки, что возле станции живет. Там тоже не больно чисто, и бабка мрачная, однако хоть не воруют, и никто ночью не вломится, у бабки собака злющая, вся в хозяйку, но чужих не подпускает.

Дождь полил сильнее, и Маша огляделась в поисках какого-нибудь укрытия.

Как раз рядом оказалась вывеска кафе.

Если она немедленно не выпьет чаю, то простудится.

Маша не ходила в кафе в обеденное время, она брала с собой бутерброды. С ее зарплаты в кафе не насидишься. Ну и ладно, сегодня можно, ей выдали командировочные.

Она шагнула к дверям кафе. Туфли немилосердно жали.

Кафе оказалось небольшим, всего один зал, да к тому же плохо освещенный. Маше это было на руку, она прошла в дальний угол и села у стены на диванчик. Народу было немного. Официантка молча положила на стол меню.

– Мне чаю, – сказала Маша, – обыкновенного, черного, и пирожное, только без крема.

Она сняла под столом туфли и откинулась на мягкую спинку дивана.

Ох, не зря говорят, если хочешь быть счастливым, купи себе тесные ботинки. Сейчас еще чай принесут...

Она встретила официантку с радостью. Но что это? Нос уловил аромат кофе...

– Что это? – Маша отодвинула в сторону чашку. – Кофе? Я же просила чай!

– Вы просили кофе! – огрызнулась девица. – Я точно помню, кофе черный, без сахара... у меня еще склероза нет, я все заказы помню! А если не верите, вот у меня записано! – и ткнула Маше блокнот, где было что-то неразборчиво нацарапано.

Но как же... Маша хотела возмущенно закричать, но тут заметила в глазах девицы злорадные огоньки.

За что они все так с ней? Что она им всем сделала?

Горло перехватило, и чтобы не закашляться, она отхлебнула горького кофе. И все вдруг пропало – и злющая официантка, и затрапезное кафе, и весь этот дождливый город...

Маша стояла перед высокой ажурной оградой.

За этой оградой она увидела удивительный сад – ровные ряды аккуратно подстриженных деревьев, за которыми прятались круглые клумбы и длинные ухоженные цветники, удивительные фонтаны и укромные беседки...

Но все это было какое-то странное, ненастоящее – светло-голубые, полупрозрачные деревья, голубые полупрозрачные цветы на клумбах, голубые полупрозрачные статуи...

И ограда, перед которой она стояла, была из того же странного, удивительного полупрозрачного материала. Словно она была соткана из сгущенного, уплотнившегося воздуха, воздуха одновременно легкого и плотного, каким он быва-

ет в первые волшебные минуты наступающих сумерек, когда все кажется нереальным.

Маша почувствовала непреодолимое желание войти в этот сад, пройти по его дорожкам, ощутить аромат этих цветов.

Она толкнула полупрозрачную калитку и вошла в сад.

Она шла по дорожке – и с каждым шагом душу ее переполняло удивление.

Сад был полон тишины. Особенной, звенящей тишины. Так звенит струна еще долго после того, как ее коснется смычок или пальцы музыканта.

Не щебетали птицы, сидевшие на голубых ветвях, и даже листья голубых деревьев не шелестели под ветром. Не журчали фонтаны, хотя струи воды извергались из пастей фантастических созданий – сказочных рыб, дельфинов, морских коней.

Казалось, этот сад погружен в магический сон, как сад в замке Спящей Красавицы.

Маша наклонилась над клумбой, чтобы понюхать голубую полупрозрачную розу – но у этой розы не было запаха. Точнее, она пахла чем-то незнакомым, странным, как бывает во сне.

Тогда она дотронулась до голубого стебля – и от ее прикосновения стебель призрачной розы треснул и раскололся, голубая роза упала на землю и с нежным, мелодичным звоном рассыпалась на миллион крошечных осколков.

И только теперь Маша поняла, что сад, в котором она оказалась, сделан из стекла. Из полупрозрачного стекла цвета выцветшего весеннего неба. Тревожного, нежного, прозрачного неба, каким оно бывает в середине марта.

Стеклянная вода лилась из стеклянных фонтанов, наполняя стеклянные бассейны, стеклянные птицы сидели на стеклянных ветвях среди стеклянной листвы, стеклянные статуи античных богов и героев прятались в глубине аллей и, казалось, шептались о чем-то на давно забытом языке.

Удивленная и растерянная, Маша взглянула на свои руки... и с изумлением увидела, что они тоже сотканы из того же прозрачного голубого стекла, что и все в этом саду. Сквозь голубоватую прозрачную кожу просвечивали, едва заметно пульсируя, голубые вены, как в первый морозный день вода засыпающей реки просвечивает сквозь первый, хрупкий, еще незамутненный лед.

И тут она услышала нежный, волшебный и печальный звон. Удивительную, космическую музыку.

Она повернулась туда, откуда доносился этот звон, – и увидела, что бледно-голубые цветы на стеклянной клумбе рассыпаются, раскалываются на миллионы голубых искрящихся осколков вслед за той первой розой, которую она погубила своим неосторожным прикосновением.

А следом за цветами начали опадать листья со стеклянных деревьев, а затем и ветки, и крупные сучья. Вот и статуи начали раскалываться на части. Стеклянная богиня ли-

шилаь рук, на мгновение превратившись в подобие Венеры Милосской, – но тут же вся она рассыпалась, превратившись в грудy сверкающих обломков...

Сад разрушался, рассыпался на ее глазах, и этот распад сопровождался неземной музыкой.

И Маша с ужасом поняла, что еще немного, еще несколько минут – и ее тоже затронет эта нежная музыка разрушения, музыка распада, она тоже расколется на мириады осколков. Вот она уже увидела, как по полупрозрачной коже побежала сетка тонких трещин... еще несколько секунд – и ее не станет, она, вместе со своими мечтами и надеждами, превратится в грудy битого стекла...

И тут Маша очнулась.

Она сидела в том же самом кафе, где застал ее короткий и странный обморок. Перед ней стояла почти нетронутая чашка кофе. А за соседним столиком, который прежде был пуст, сидели двое – женщина лет тридцати, довольно привлекательная, можно даже сказать, красивая вульгарной, бьющей в глаза, ненатуральной красотой, и мужчина чуть постарше, с мрачным и недовольным лицом.

Они разговаривали вполголоса, явно ссорились тихими злыми голосами, женщина, кажется, оправдывалась, мужчина в чем-то ее обвинял, чего-то от нее требовал. С каждым словом накал ссоры нарастал, голоса становились громче, словно кто-то поворачивал ручку невидимого динамика.

Теперь Маша могла разобрать слова.

– Как ты можешь! – говорила женщина звенящим, напряженным, фальшивым, но в то же время полным подлинной страсти голосом, в котором уже слышались подступающие слезы. – Неужели ты способен втоптать в грязь мои мечты? Неужели ты способен грязными сапогами растоптать все мои надежды...

– Усохни! – оборвал ее мужчина. – Прекрати нести эту чушь! Где ты ее набралась? Где наслушалась?

– Я для тебя ничто! – воскликнула женщина. – Я для тебя пустое место! А я, между прочим, человек, у меня есть порывы, искания... у меня есть внутренний мир...

Маша будто воочию услышала ненатуральные голоса актеров из очередного бесконечного сериала, которые смотрит вечерами свекровь. Еще громкость включает на максимум, говорит, слышит плохо.

Ага, если ей что надо, тут же услышит, хоть шепотом разговаривай. И ведь ни за что громкость не убавит, хотя знает прекрасно, что Маше рано на работу вставать. Муж-то ничего не слышит, спит, как слон, никакими пушками его не разбудишь.

Вспомнив, что завтра вставать в пять утра, Маша еще больше расстроилась.

– Знаю я твои позывы и искания! – мужчина уже и не старался понизить голос. – Знаю я твои мечты! Мечтаешь найти там богатого папика... мечтаешь найти богатого уroda, ко-

торый будет давать тебе деньги на тряпки и побрякушки...

– Как ты можешь! – повторила женщина. – Это – мой большой шанс! Мое будущее!

– Чушь собачья! Туда заманивают таких дур, как ты, готовых на все, чтобы хоть раз мелькнуть на экране...

– А вот и нет! Я выиграла конкурс, ты понимаешь? Это было очень трудно, но я его выиграла! Вот ты меня считаешь дурой, а я выиграла! Я – одна из сотен! Участвовали очень многие, но выиграла я! Видишь, здесь так и написано! – Она показала какой-то глянцевый листок. – Передо мной раскрываются огромные возможности! Огромные горизонты! Съёмки, интервью, телевидение... я могу стать звездой, и я этого достойна! Я достойна большего, чем это...

Она обвела взглядом кафе, имея в виду не только его, но и всю свою жизнь.

– Возможно, когда-нибудь я пройду по красной дорожке в этих... Каннах... Я хочу все изменить! Хочу начать жизнь с чистого, белоснежного листа!

– Ага, размечталась! – Мужчина вскочил, едва не перевернув стол, вырвал у спутницы листок и швырнул его на пол. – Только тебя и ждали в Каннах! Уже оркестр заказали! В общем, так, ты должна принять решение – или я, или этот идиотский конкурс! Или он – или я! Алина, ты меня знаешь, как сказал – так и будет! Если сегодня туда пойдешь – можешь завтра собирать свое барахло и катиться ко всем чертям! Хоть в Канны, хоть в Шманны, хоть с Эйфелевой баш-

ни прыгай!

С этими словами он резко развернулся и, не оглядываясь, зашагал к выходу из кафе.

– Олег! Олежек! – женщина бросилась за ним, но дорогу ей заступила официантка:

– Куда? А платить кто будет? Вы с твоим дружкой, конечно, повеселили публику, но без денег я тебя не отпущу!

– Да пошла ты, кошка драная! Подавись! Сдачи не надо! – Женщина швырнула на стол смятую купюру и бросилась к выходу.

– Сдачи не на-адо! – передразнила ее официантка. – Да я и не собиралась тебе сдачу давать! Было бы о чем говорить! Пятьсот рублей бросила, а гонору – как будто озолотила!

С этими словами она ушла за стойку.

Маше вдруг стало противно оставаться в этом кафе. Ей стало здесь тяжело дышать. Она достала кошелек, положила на стол деньги. Руки у нее тряслись, и одну купюру она уронила на пол. Наклонившись, чтобы поднять ее, увидела на полу возле своего стула какой-то листок, машинально подняла его.

На глянцевом листке было напечатано красивыми, витиеватыми буквами:

«Уважаемая Fillina (странное имя было вписано от руки), телевизионная компания «Рассвет» и продюсерский центр «Три кита» извещают вас, что вы заняли призовое место в нашем творческом конкурсе

и, как призер конкурса, можете принять участие в съемках шоу «Последняя надежда». Для участия в съемках вам надлежит сегодня в 17.00 прибыть по адресу: Третья Промышленная улица, дом семь, строение четыре. Необходимо иметь при себе это приглашение. Генеральный продюсер В. В. Синдииков».

За этим пышным титулом следовала не менее пышная подпись с затейливым росчерком.

Маша еще раз перечитала письмо.

До нее сегодня все плохо доходило, словно между ней и остальным миром было толстое мутное стекло. Но теперь она поняла, что подняла тот листок, который швырнул на пол мужчина, ссорившийся со своей спутницей за соседним столом. Ну да, это приглашение.

Та девица с ненатуральным голосом выиграла какой-то конкурс, и ее пригласили на съемки шоу, но ее любовник категорически против, и в итоге он настоял на своем...

Судя по имени, вписанному в приглашение, девица участвовала в конкурсе анонимно, точнее – под компьютерным ником. Значит, никто не потребует документов, достаточно этого приглашения...

«О чем я думаю? – промелькнула в Машинной голове удивленная мысль. – Не собираюсь же я идти на эти съемки?»

Вот именно, что это пришло ей в голову? Наверное, она просто еще не очнулась от своих грез, не пришла в себя от очередного посещения стеклянного сада.

Это началось недавно, сегодня... какой раз... третий? Четвертый? Неважно. Но эти видения, они всегда приходили так неожиданно. И всегда она видела один и тот же сад из полупрозрачного голубого стекла.

И всегда в конце все цветы и деревья разбивались на тысячи мелких сверкающих осколков. Маша никому не рассказывала об этих странных видениях, хорошо, что это всегда случалось, когда она была одна – в автобусе, в поезде, вот, как сейчас, в кафе...

А кому рассказать-то, с кем поделиться? С мужем они почти не разговаривают, вроде бы не о чем. Так, по хозяйственным вопросам парой слов перекинутся, а вечером он сразу засыпает. Не свекрови же душу открывать, еще не хватало.

Снова она перечитала приглашение. Ну да, явиться сегодня к пяти часам. Вот просто прийти и дать им приглашение.

«Нельзя. Меня тут же разоблачат. И выгонят с позором», – заныл в голове неуверенный голос.

«А почему бы и нет? – прозвучал там же, в голове, другой голос – спокойный и уверенный. – Конечно, та девица, которой принадлежит приглашение, – пошловата и выглядит слишком вызывающе, но в том, что она говорила, была крупица смысла.

Рискнуть всем, начать все сначала, с нуля, с чистого листа... а что тебе терять? За что держаться? Чего жалеть? Мужа, который ни в грош тебя не ставит? Работу, от которой тебя давно уже тошнит? Может быть, свекровь?»

Маша выронила листок, он плавно спланировал на стол, рядом с чашкой недопитого кофе. Что это? Мало ей странных видений, так теперь в голове звучит какой-то посторонний голос.

Ну, это только так говорится, что голос звучит, на самом деле просто мысли в голове не ее, а другие – смелые, разумные. Так может, прислушаться к этому голосу и рискнуть...

Маша в который раз перечитала приглашение.

В преамбуле письма были названы телевизионная компания «Рассвет» и продюсерский центр «Три кита». Она достала телефон и сделала запрос по этим названиям.

Интернет выдал ей целый ворох ссылок. Компании с такими названиями действительно существовали, на их счету числилось множество телевизионных шоу, программ и сериалов.

Значит, это не жулики...

Да, но она-то собирается проникнуть на съемки обманом, по чужому приглашению! Ведь та девица выиграла какой-то конкурс, значит, у нее есть способности...

И снова в голове у нее зазвучал внутренний голос:

«Ты ее видела, слышала, как она говорит. Неужели ты думаешь, что не сможешь обойти ее в любом конкурсе, где нужно проявить хоть немного способностей?»

«Как знать, – тут же возразила сама себе Маша, – мало ли какие нужны способности».

И тут до нее дошел еще один важный момент. Может

быть, самый важный из всех.

Время.

Время, когда следовало прибыть на съемки. Это было сегодня, до начала оставалось всего два часа. Так что, если она хочет рискнуть, если хочет попытаться изменить свою судьбу – ей нужно поторопиться, иначе этот шанс будет упущен...

Она оставила на столике деньги и прошла в туалет. Что бы там ни случилось, ни одна женщина не выйдет на улицу, не взглянув на себя в зеркало.

Да, вид в зеркале не слишком впечатлял, и это еще мягко сказано. С такой физиономией не то что на шоу, в школьные уборщицы и то не возьмут.

Маша достала косметичку и привычно расстроилась. Пудра дешевая, а помада вообще закончилась. Стыдно сказать, спичкой нужно выковыривать. Но сейчас и спичка не поможет. О чем она только думала? Уж на то, чтобы помаду новую купить, много времени не нужно.

Живет, как в тяжелом сне, мысли тягучие, скучные, все время одни и те же. Что по работе сделать, что в магазине купить, и то особенно думать не надо, свекровь вечно одно и то же готовит, суп с мясом, наваристый, так что, по ее же собственному выражению, «ложка стоит». Едят они этот суп на ужин, потому что свекровь не признает никаких кафе и столовых. По ее словам, домашнее питание – самое лучшее, а от кафешек этих только язву наживешь.

Маша считает, что от ее жирного супа свекровь наживет

непрерывно болезнь печени, но помалкивает. Да кто ее слушать станет? Кому ее слова интересны?

Муж ест да похваливает, может и наутро спросить: «Маманя, а супцу вчерашнего не осталось?»

Маша воочию представила себе запах свекровкиного супа, и ее тут же затошнило. Нет, нужно немедленно взять себя в руки.

Маша посильнее подвела глаза, попудрила нос, и о, чудо! Кто-то забыл на полочке перед раковиной тюбик губной помады. Конечно, нехорошо пользоваться чужим, ну да ладно.

Помада была для нее слишком яркой, сама она никогда бы не купила такой цвет, но неожиданно помогла, сделала лицо выразительнее, и уголки губ больше не опускались уныло.

– Что ж кофе не допили? – встретила ее в проходе официантка, и глаза ее злорадно блеснули.

Нет, с этой девицей что-то не так, она посетителей всерьез ненавидит. Если ее не уволят, то она, пожалуй, в чай-кофе яд подсыпать начнет.

– Сама свои помои пей! – бросила ей Маша.

И не ожидала вовсе от себя такого, никогда раньше не ругалась в общественных местах. Ей нахамят, она скукожится, голову в плечи втянет да и пойдет.

Официантка, надо думать, тоже такого не ожидала от бессловесной, затурканной жизнью женщины. Во всяком случае, она не нашлась что ответить.

Маша вышла из кафе и на мгновение задумалась.

Промышленная улица... не очень-то обнадеживающее название.

Маша понятия не имела, где эта улица находится, но не сомневалась, что далеко от центра. И как туда добраться?

Еще не додумав эту мысль до конца, она встала на край тротуара и подняла руку.

Это был необычный для нее поступок. Маша не привыкла пользоваться такси или частными извозчиками – ее приучили экономить на всем.

Как говорила свекровь: «копейка рубль бережет». Так что основной транспорт, каким она пользовалась, – маршрутки.

Черт с ней, со свекровью! Если менять жизнь, нужно начать это прямо сейчас! Как раз командировочные выдали.

Рядом с ней остановилась серая неприметная машина. Маша замешкалась, и из машины донесся гнусавый, словно простуженный, недовольный голос:

– Ну что, будем садиться или так и будем стоять? У меня, между прочим, время не казенное.

– Сажусь, сажусь! – Маша открыла дверцу, плюхнулась на пассажирское сиденье, мимоходом подумав, что водитель мог бы и открыть ей дверь.

Устроившись на сиденье, она взглянула на этого водителя. Это был мужчина лет сорока с обвислым носом, глубоко посаженными тусклыми глазами и унылым, недовольным лицом.

– Что смотришь? – протянул он неприятным голосом. –

Куда едем?

Маша снова растерялась.

Ей казалось, что она стоит на краю высокого обрыва, перед зияющей пропастью. Всего один шаг вперед – и ничего уже будет не вернуть... обратной дороги не будет... жизнь – не видеозапись, ее не отмотаешь назад!

А стоит ли что-то возвращать? Есть ли в ее жизни хоть что-то, чем стоит дорожить? Не лучше ли зачеркнуть прошлое и броситься в эту пропасть?

Что ее ждет? Падение, ужас, боль... а может быть – полет? Неизведанное, прекрасное чувство?

– Ну что, едем наконец? – с явной неприязнью процедил водитель. – Или говори, куда ехать, или вылезай! Мне, между прочим, на жизнь нужно зарабатывать!

– А можно на «вы»? – проговорила Маша твердо, неожиданно для себя самой.

– Чего? – опешил водитель.

– Мы незнакомы, и на «ты» не переходили, так что обращайтесь ко мне на «вы». Пожалуйста.

– Ишь ты, цаца какая! – удивился водитель, но тут же поправился: – Ишь вы! Так все же куда едем?

– Промышленную улицу знаете?

– Я все знаю! Не первый год по городу катаюсь! – И машина тронулась.

Ехали они долго, и Маша от ровного шума мотора, от мягкого укачивания автомобиля впала в какое-то странное со-

стояние полусна-полуяви.

Таксист, поглядывая в зеркало заднего вида, думал, что его пассажирка задремала, но Маша вовсе не спала. Мысли текли вяло, неторопливо, тягуче, как вода в спокойной реке. И вставали перед ней вопросы.

Первый: отчего у нее такая скучная и нелепая жизнь и нет у нее никаких надежд на будущее. Все какое-то серое, одинаковое, хмурое, как ноябрьское утро.

И второй вопрос: как дошла она до такой жизни? Неужели все из-за замужества?

Маша вышла замуж рано, в двадцать два года, и Антошка родился через пять месяцев. Ну да, она забеременела как полная дура, да еще поняла это далеко не сразу, а потом пожилая врач отговорила ее что-то делать.

Сколько, говорила, у меня в кабинете сидело женщин, которые до слез, до обморока ребенка хотели, а не могут. Кучу денег и нервов тратят на лечение, а когда лечение не помогает, на всякие там процедуры, чтобы забеременеть, а не получается! А вам, дурам, само счастье в руки идет, а вы хотите его уничтожить? Всю жизнь потом каяться будешь, никогда себя не простишь.

Не то чтобы Маша так не хотела ребенка, просто собиралась учиться. И слишком мало они знакомы были с Иваном, всего-то четыре месяца встречались.

Он был старше ее на восемь лет, работал водителем.

Когда Маша сказала ему, что забеременела, то ожидала

всякого. Может просто повернуться и уйти, как случилось с одной знакомой девчонкой из техникума.

Снимали они вместе с парнем квартиру, и все вроде было хорошо, а как получился ребенок – так парень, ни слова не говоря, тут же съехал обратно к родителям, а потом приехал к ней его отец, дал денег на аборт, заплатил за квартиру вперед на месяц и сказал, чтобы более его сына она не беспокоила. Вот так вот, а ведь почти год вместе жили. И все было хорошо, то есть это она так думала. И даже собиралась летом его к себе везти, с родителями знакомить.

У нее потом все плохо стало. Протянула с абортом, пошла поздно, сделали плохо, провалялась в больнице, техникум, конечно, бросила, устроилась на работу в какой-то магазинчик задрипанный, жизнь беспросветная, начала попивать, потом все больше, в магазине еще недостачу навесили... в общем, встретила ее Маша через полгода и не узнала даже. Лицо опухшее, под глазом синяк застарелый, одежда грязная, колготки рваные. Ужас! Тусуется с какими-то бомжами, в общем, видно, что человек конченный.

Так что Маша ничего хорошего от разговора с Иваном не ждала, ко всему была готова.

Выслушал он ее внимательно, конечно, особой радости не проявил, сказал, что подумает. И ушел.

Маша так и решила, что насовсем ушел, значит, самой нужно проблему решать. Стерла его номер из мобильного и приказала себе про него забыть. Тут-то врач ее и отругала,

чуть из кабинета не выгнала.

А через три дня Иван ее у работы встретил: «Что за дела, почему не отвечаешь? Идем с матерью знакомиться».

Маша тогда так растерялась, что свою волю не проявила. А как увидела свекровь будущую, так вообще замолчала и все делала как скажут.

Свекровь все решала.

«Свадьбы, – сказала, – не нужно, нечего зря деньги на ветер бросать. Понаедут, понабегут разные, им бы только нажраться да “горько” поорать. Нечего эту шваль приваживать».

Это она про родственников так.

Маше было все равно, ее как раз тошнить начало, так что про свадебный стол с неизбежным салатом оливье и селедкой под шубой и думать было страшно. А родственников у нее не было, только тетка двоюродная в родном городе. Мама умерла молодой, а отца она и вовсе не помнит.

Муж еще шутил, что жениться надо на сироте, вот он так и сделал, какой умный.

А у Маши вся беременность прошла как в полусне. А потом Антошка родился, крикливый такой, неугомонный, она все время спать хотела. Свекровь тогда работала, муж к маленькому не подходил.

Маша похудела, голова все время кружилась от переутомления. Еще ведь грудью кормить ребенка надо было.

В конце концов упала она как-то в обморок на лестни-

це, хорошо, соседка мимо шла, успела подхватить. Вызвали «Скорую», приехала быстро, врачи сказали, что переутомление и гемоглобин упал донельзя. Все это врач свекрови высказала, довели, говорит, девку до ручки, краше в гроб кладут.

Полежала Маша в больнице неделю под капельницами, свекровь сама с ребенком управлялась. И прикипела к нему душой, тут уж ничего не скажешь, внука она любит, только Машу ненавидит. Уж почему так – неизвестно. Впрочем, свекровь есть свекровь...

Молоко у Маши в больнице пропало, перевели Тошку на смеси, стал он наедаться и теперь спал спокойно.

А свекровь с того времени стала Машу поедом есть. И то ей не так и это. Прямо в глаза говорила, что невестка попалась ей ни на что не годная, ничего не может и не умеет. Пустое место, в общем.

Оглянулась Маша по сторонам, да и поняла, что совершенно не нужно ей было замуж выходить, ни к чему все было. А что делать, ведь ребенок маленький, куда денешься.

Прошло время, устроилась она на работу, да все не то. И денег мало, и скучно. Но образования высшего нет, профессии тоже никакой, да еще кадровики как увидят в анкете, что ребенок маленький, такую физиономию скроют, как будто к ним террорист на работу устраивается, а не мамочка молодая.

Время шло, Антошка рос, и ничего не менялось. Муж был

к ней совершенно равнодушен. Ну, вспоминал о ней раз в неделю, Маша иногда думала, что это у него такой же рефлекс, как в баню сходить. Так и то после бани более довольный являлся.

Причем Маша знала, что в баню он ходит один, только чтобы попариться, а пива дома выпьет. Не ездит он на рыбалку, и в баню большой компанией не ходит, никаких там девиц, и все такое, этого нет. Не курит и пьет в меру, да и то больше пиво.

Зарплату в дом приносит и свекрови отдает, себе немного оставляет, у него потребности небольшие, сам говорит.

Со временем работу водителя оставил и, по выражению свекрови, пошел на повышение, то есть стал заведовать гаражом в той же фирме, где раньше водителем был. Растолстел немного, голос солидный, говорит мало, слова скупо цедит, движения неторопливые, куда спешить? Кому надо, подождет, говорит.

Положительный, в общем, человек, только до чего скучный. Ничего не читает, даже газет, в телефоне у него даже игр нет, только контакты и навигатор. Вечером придет, поест, телевизор посмотрит да и спать ляжет. И так каждый день. В выходные, кроме бани, никуда не ходит, ну, свекровь на рынок свозит или в супермаркет.

Пыталась Маша раньше хоть в кино его позвать или в парк погулять, так свекровь сразу возбурялась: куда тебе еще из дома его тащить? Нет бы по хозяйству помочь, а тебе бы только

удовольствия справлять.

Так и говорит: «справлять» – как будто это день рождения.

Антошка такой же получился. Водила его Маша на занятия разные, на спорт, в бассейн – все не то. Позанимается немного да и бросит. Неинтересно ему.

Педагоги только плечами пожимают, не хочет – не заставляйте, способностей у него никаких нет, так что зря ребенка мучить и деньги тратить. Да еще свекровь ворчит, уж она-то всегда на Антошкиной стороне.

В садике ничем не выделялся, в школу пошел – тоже в основном на тройках едет. Читать не любит, Ну, на уроках не хулиганит, так учительница и довольна.

Первое время спрашивала Маша, какие у него интересы, чего хочет, о чем мечтает? Молчит, отмахивается, ну, в компьютер поиграет иногда, и то, как подслушала она однажды в школе разговоры мальчишек, что ее сын в этом деле не ас.

Сама себе призналась, что сын малость туповат. Ну, не ей бы говорить, она сама не доучилась, ни умом, ни образованием не взяла.

А как-то года полтора назад задержалась Маша на работе, начальник прицепился с какими-то документами. А свекровь с ужином ее никогда не ждет, опоздала, говорит, – твои проблемы, а я десять раз подогреть не нанималась.

Вошла Маша тихонько, свет в прихожей не успела зажечь, а они на кухне сидят. Стол лампой освещен, и увидела Маша,

как они все трое похожи: свекровь, и муж, и Антошка. Все похоже: и лица, и фигуры, и жесты, и голоса даже. Сидят за столом, едят молча, и видно, что им разговаривать и не надо, и так хорошо. Семья, в общем. Только ей в этой семье места нет. Не нужна она им, лишняя она на этой кухне, за этим столом.

Как дошло такое до Маши, так она сумку выронила. Повернули они все трое головы на звук, никто не обрадовался, никто с места не вскочил, стул ей не пододвинул – долго, мол, ждали, садись скорей с нами...

Ничего этого не было, только свекровь прошипела что-то нелестное, да муж кивнул скупно. А сын и вовсе ничего не сказал.

Вот тогда и у Маши в душе что-то перевернулось. Раньше-то она себя тем утешала, что хоть с мужем не повезло, зато ребенка она родила, жизнь кому-то дала, есть у нее сын. А тогда поняла, что и сына-то нет. То есть он есть, но сам по себе, что вот случись что с ней – он и горевать особо не станет. А про мужа и говорить нечего.

Нечувствительные они все, странные, другая порода людей, как будто от другой обезьяны произошли. Им друг с другом хорошо, комфортно, но никого другого к себе не примут.

Автомобиль резко подбросило на рытвине, Маша опомнилась и выглянула в окно.

Они ехали по безлюдной улице, по обеим сторонам кото-

рой высились одинаковые безликие бетонные корпуса. Промышленные здания, давно заброшенные и обезлюдевшие. Асфальт под колесами машины был растрескавшийся, разбитый, через него пробивалась пожухлая трава, а местами даже крошечные, уродливо искривленные деревца. Тут и там валялись бетонные блоки, ржавые обломки арматуры, железные детали неизвестного назначения. Кое-где темнели глубокие лужи, хотя дождя давно не было.

Прямо скажем, странное место для проведения съемок телешоу! Наверняка здесь что-то не так – либо она перепутала адрес, либо это приглашение на съемки – чья-то жестокая шутка, чей-то идиотский розыгрыш...

Вдруг водитель ударил по тормозам. Автомобиль резко остановился.

– Все, дальше я не поеду! – заявил водитель раздраженно.

– Что, разве уже приехали?

– Не знаю, как ты, а я точно приехал!

Маша огляделась и увидела на одном из серых корпусов выцветшую табличку: «3-я Промышленная улица, дом 3».

– Эй, постойте, мне нужно дальше!

– Дальше не поеду! Дальше – сама, ножками! Я и так чуть из-за тебя машину не угробил! А дальше мне и вовсе не проехать, у меня все же машина, а не вертолет! И даже не гусеничный вездеход! Видела, что впереди?

Действительно, впереди на дороге была огромная яма, на дне которой темнела вода. Вдоль этой ямы тянулись узкие

мостки.

– Дальше не поеду! Вылезай!

От злости водитель снова перешел на «ты», но Маша не стала заедаться. С каждой минутой она все больше сомневалась, что приняла правильное решение. Она представила, как будет выбираться отсюда, из этого глухого угла, если не найдет нужную компанию, и умоляюще поглядела на водителя:

– Я вас очень прошу, не уезжайте, подождите меня здесь! Хоть полчаса! Ну, пожалуйста!

– Ладно, полчаса подожду! Только расплатись сейчас! А то сбежишь, не заплатив...

Маша удивилась, с чего он стал таким покладистым. Она заплатила, выбралась из машины и пошла вперед по мосткам.

Мостки под ней скрипели и качались, она боялась, что они подломятся и она провалится в яму с грязной водой. Однако ей удалось благополучно перейти на другую сторону...

И тут сзади послышался шум мотора.

Оглянувшись, Маша увидела задние огни уезжающей машины.

Теперь ей стала понятна неожиданная сговорчивость водителя – он и не думал ее дожидаться, просто не хотел конфликтовать, пока не получит свои деньги.

Маша тяжело вздохнула.

Похоже, она влипла по полной. Перед ней было два пути:

возвращаться прямо сейчас или все же найти нужный адрес и убедиться, что там нет никакой телекомпании.

И она выбрала второй вариант – чтобы потом не корить себя, что не довела дело до конца. Тем более что до времени, указанного в приглашении, оставалось всего полчаса.

Она шла вперед по грязной, разбитой, безлюдной улице мимо одинаковых темных корпусов и мысленно ругала себя. Надо же, захотела зачеркнуть свою прежнюю жизнь, начать все с чистого листа – и в итоге оказалась в полной заднице... Нет, новая жизнь – это не для нее! Придется возвращаться в свой повседневный ад – к мужу, свекрови и командировкам в Металлопрокат... Но как же не хочется...

И тут она увидела на очередном бетонном корпусе заляпанную грязью табличку:

«3-я Промышленная улица, дом 7».

А чуть ниже к стене была прикреплена картонка, на которой крупными буквами от руки было написано:

«Последняя надежда».

И стрелка, которая указывала налево.

Последняя надежда... только сейчас Маша поняла, насколько символично название конкурса, насколько точно оно отображает ее собственную жизненную ситуацию.

Ну что ж, во всяком случае, она, кажется, не ошиблась с адресом...

Маша пошла туда, куда показывала стрелка, – и скоро увидела в бетонной стене железную дверь, к которой снова ве-

ли шаткие деревянные мостки, перекинутае через глубокую канаву.

На двери было написано опять-таки от руки: «Строение 4», хотя никакого отдельного строения Маша не заметила.

Неловко балансируя, она перешла по мосткам, толкнула дверь.

Дверь была заперта.

Только этого не хватало!

Маша чуть не разрыдалась от бессилия и безысходности – но тут из невидимого динамика донесся женский голос:

– Куда?

– На съемки шоу «Последняя надежда»! – выпалила Маша, понимая, как глупо это звучит.

– Имя?

– Фелина! – проговорила она, вспомнив слово, от руки вписанное в приглашение.

Раздался щелчок, и дверь открылась.

Маша проскользнула внутрь и перевела дыхание.

Неизвестно, чем все это закончится, но она, по крайней мере, нашла нужное место и прибыла в него вовремя.

Она увидела, что дверь за ее спиной медленно закрывается, повинувась доводчику, и осознала только теперь, что перешла некоторую границу и что ее скучная монотонная жизнь закончилась. Хуже будет дальше или лучше, она не знает, но прошлое не вернется никогда.

С чего у нее возникла такая уверенность, Маша предпо-

чала не уточнять.

Она огляделась.

Узкий полутемный коридор вел от двери в глубину здания. Стены его были выкрашены унылой темно-зеленой краской, на полу лежал такой же унылый зеленый линолеум. Маша пошла вперед, поскольку больше ничего не оставалось.

Вскоре коридор раздвоился. Ей показалось, что справа промелькнула какая-то фигура, и она хотела было повернуть в ту сторону, но тут увидела на стене знакомую картонку с надписью «Последняя надежда» и жирной стрелкой, указывающей налево.

Сомнения отпали.

Она пошла налево, и вскоре оказалась перед стойкой вроде гостиничного ресепшена. За этой стойкой сидела женщина средних лет в строгом черном костюме, с коротко остриженными черными волосами, с сильно подведенными глазами и без тени улыбки на лице. Плотнo сомкнутые губы превратились в узкую малиновую линию, словно прорезанную бритвой.

– Слава богу, я вас наконец нашла! – проговорила Маша с неуверенным облегчением и выдала робкую, заискивающую улыбку.

– Приглашение! – процедила женщина за стойкой, не озаботившись ответной улыбкой. И не поздоровалась и даже, кажется, на Машу и не взглянула.

– Вот... сейчас... – Маша открыла сумку и полезла за приглашением, но никак не могла его найти среди всяких бесполезных мелочей, накопившихся в сумке.

– Сейчас... секундочку... оно было здесь, честное слово... да где же оно...

Она уже вообразила, что выронила приглашение, когда расплачивалась с водителем, – и тут злополучный листок выпал из сумки и спланировал на пол.

– Вот оно, нашлось! – Маша подняла приглашение и протянула администратору.

Та начала его внимательно изучать, а Маша, чтобы нарушить напряженную тишину, заговорила:

– Надо же, как вы далеко забрались! Какое неудобное место! Так долго добираться...

Администратор отложила приглашение. Теперь ее лицо казалось куда более приветливым, и она даже сооблаговолила ответить Маше:

– У нас, конечно, есть офис в центре, но там сейчас ремонт, вот и пришлось пока разместиться здесь. Но вы не беспокойтесь, здесь все предусмотрено, вам здесь будет удобно.

– А что – это надолго? – спросила Маша, удивленно оглядевшись по сторонам.

– Не могу вам сказать. – Женщина сделала какую-то отметку на приглашении и нажала кнопку на стойке.

Тут же у нее за спиной открылась неприметная дверь, оттуда вышел мужчина лет сорока с седыми висками и аккурат-

ными усиками, в костюме без галстука. Он подошел к Маше, улыбнулся и проговорил мягким бархатистым голосом:

– Я буду вашим куратором. Меня зовут Павел. Пойдемте со мной.

Маша обрадовалась, что он не спросил ее имя, потому что не могла вспомнить, как звали ту девушку, чьим приглашением она воспользовалась. Впрочем, может быть, они тоже не знают ее имени...

Павел открыл перед ней ту же дверь и придержал, вежливо пропуская вперед.

Они оказались в небольшой комнате без окон, посреди которой стоял пустой стол и два кресла по его сторонам. Павел показал Маше на одно из этих кресел, сам сел напротив.

Маша устроилась в кресле – и тут вспомнила, как звали ту девицу. Алина. Ну да, конечно, Алина, так назвал ее спутник. И компьютерный ник она выбрала созвучный: Алина – Фелина...

Павел тем временем достал откуда-то портфель, вынул из него стопку листов, блокнот и ручку, положил на стол.

Пристально взглянув на Машу, спросил:

– Сколько вам лет?

Маша смутилась, но ответила честно:

– Тридцать два.

Может быть, Алина чуть моложе, но лучше говорить правду, когда можно, – меньше шансов запутаться, меньше шансов забыть, что говорила прошлый раз...

– Ваша группа крови?

– Первая, – ответила Маша после секундной заминки.

– Ваш рост?

– Метр шестьдесят восемь.

Она ждала уже неизбежного вопроса про вес, но вместо этого Павел спросил:

– Сколько будет двадцать семь плюс шестнадцать?

– Сорок три, – ответила Маша, подумав несколько секунд.

– Как вас зовут?

– Алина, – ответила она, может быть, слишком быстро. Но он, кажется, ничего не заметил.

– Столица Филиппин?

Маша на мгновение растерялась, но потом откуда-то из глубины памяти само собой выскочило слово:

– Манила.

– Ваш любимый цвет?

– Синий, – выпалила Маша, хотя секунду назад не знала, что синий цвет нравится ей больше всех остальных.

– Ваш размер обуви?

– Тридцать восьмой.

– Ваша фамилия?

К этому вопросу Маша готовилась. Сначала она думала сказать – Иванова, но потом решила, что это будет слишком прямолинейно, и нужно подобрать что-нибудь не такое распространённое, но, как назло, в голову ничего не лезло, тогда она ляпнула:

– Лоскутова.

Павел что-то записал в своем блокноте, потом достал из своего портфеля еще один лист и положил его перед Машей. На этом листе было большое черное пятно, черная бесформенная клякса из двух одинаковых половин.

– Что вы здесь видите?

Маша вспомнила, что видела такую кляксу в каком-то старом детективном фильме. В голове даже всплыло название – тест Роршаха. В том фильме человека тоже заставляли рассказывать, что он видит в этой кляксе. Но вот для чего был этот тест, что он показывал, она не помнила, и стала честно разглядывать пятно.

– Я вижу дорожку... усыпанную гравием дорожку, по обе стороны которой растут деревья, а впереди, в конце дорожки – круглый фонтан... даже два фонтана... и еще клумбы с цветами, и мраморные статуи... это сад...

Разумеется, ничего этого она в кляксе не видела, просто вспомнила про свои видения, вот и сказала про сад. На секунду она испугалась – а вдруг этот куратор поймет, что она врет?

– Хорошо... очень хорошо... – Павел снова сделал пометку в своем блокноте.

– Стекланный сад... – проговорила Маша после короткой паузы.

Она сама не знала, почему у нее вырвались эти слова.

– Стекланный сад? – Павел удивленно посмотрел на нее. –

Почему стеклянный?

– Не знаю... – растерянно ответила Маша. – Правда не знаю... почему-то мне так показалось.

Павел еще что-то записал в своем блокноте, потом он убрал все в портфель и проговорил:

– Что ж, сейчас немного подождите, пока мы обработаем ваши результаты.

Он встал и открыл перед Машей дверь – не ту, через которую они вошли. Эту дверь Маша вообще не видела, пока Павел не открыл ее. Здесь вообще было удивительно много потайных дверей. И других тайн, других загадок.

Маша вышла и оказалась в другой комнате. Здесь было значительно светлее, вдоль стен стояло несколько красных кожаных диванчиков. В комнате находились четыре женщины примерно Машиного возраста. Перед диванами стояли низкие столики, на них лежали стопки глянцевых журналов. Еще в этой комнате было окно – по крайней мере, так Маше сначала показалось. За этим окном был цветущий сад. Однако, когда она пригляделась внимательнее, то поняла, что окно это нарисовано на стене, как и сад за ним.

И правда, какой здесь сад? За стенами этого здания пром-зона со всеми ее прелестями.

Одна из женщин, которых увидела Маша, листала журнал, две другие вполголоса переговаривались. Еще одна – полная, в свободном платье – стояла у окна. При Машином появлении они замолчали и с любопытством уставились на нее.

– Ну что, прошла тест? – спросила одна из них.

– Не знаю, – Маша пожала плечами. – Он сказал, что нужно ждать результата.

– Ждать, – повторила женщина. – Мы здесь только и делаем, что ждем. Тебя как зовут?

Маша уже открыла рот, чтобы назвать свое настоящее имя, но вовремя опомнилась и проговорила:

– Алина.

– Ну, Алина, добро пожаловать в наш клуб! Я – Милена, это – Елена, Марина и Карина.

Кариной оказалась та полненькая, которая стояла возле фальшивого окна. Та, что с ней разговаривала, Милена, была, напротив, очень худа и энергична. И голос громкий, хорошо поставленный. На лицо не очень смотрелась – нос длинноват, глаза слишком близко посажены, одета в брючный костюм.

– Главное для нас – что? – Милена сделала паузу, как будто ждала подсказки.

– Что? – переспросила Маша. У нее не было никакого желания разгадывать загадки, ей хватило Павла с его вопросами.

– Главное для нас – не перессориться! Они, – Милена бросила взгляд на дверь, за которой остался Павел, – они будут пытаться нас перессорить, сравнить друг с другом...

– Зачем?

– Это их задача! Чем больше между нами конфликтов, тем

интереснее шоу! Ты понимаешь?

Маша ничего не успела ответить. Открылась дверь, и в комнату вошла та самая женщина в черном костюме, которая сидела на ресепшене. Узкие губы были поджаты, лицо дышало арктическим холодом. На шее у нее висел бейдж, где было написано имя – Эльвира.

Маша подумала, что это имя ей подходит.

– Все собрались, – проговорила она с непонятым злорадством, – ну, пойдете посмотрим, на что вы годитесь!

Она открыла еще одну дверь и жестом приказала всем пройти в нее. Маше показалось, что с ними обращаются как с дрессированными собачками. Не хватало только обруча, через который они будут прыгать. И косточек – в качестве награды за послушание и сообразительность. Но, в конце концов, она сама сделала выбор...

Как видно, здесь не спешили объяснить, что с ними будут делать и как будут проходить съемки, Маша решила ничего не спрашивать. Возможно, участницы конкурса должны это знать?

Женщины оказались в длинной комнате, посреди которой стоял стол. С одной стороны было несколько стульев, с другой – два кресла. В одном из этих кресел сидел мужчина лет пятидесяти с остроконечной бородкой, в дорогом костюме, второе заняла женщина в черном.

Остальные расселись на стульях.

– Давайте познакомимся, – проговорил мужчина, огля-

дев присутствующих. – То есть я-то уже знаю, как вас зовут, ознакомился с вашими анкетами, а я – Василий Андреевич. Мы с вами будем работать. Работать, я думаю, плодотворно. Для начала несколько несложных вопросов. Выигрывает та из вас, которая ответит первой.

Он снова оглядел участниц и продолжил:

– Чашка кофе и булочка вместе стоят сто двадцать рублей. Кофе на сто рублей дороже булочки. Сколько стоит булочка?

– Двадцать рублей! – радостно выпалила полненькая Карина. Тема вопроса, видимо, была ей близка.

Она победно оглядела остальных девушек – мол, знай наших!

Маша хотела было согласиться с Кариной, но тут с ней случилось что-то необычное. Она снова оказалась в том странном саду, в стеклянном саду своих видений. Но в то же время она оставалась в комнате, среди участников сомнительного шоу. Стол и люди вокруг него стали прозрачными, как стекло, Маша видела сквозь кожу голубоватые вены, больше того – она видела мысли и желания окружающих, видела тайные, скрытые мотивы их поступков...

Это видение продолжалось какую-то долю секунды, и снова вокруг Маши была обычная комната, и Карина победно оглядывала остальных девушек.

Глаза Василия Андреевича хитро блеснули – как будто Карина попала в расставленную им ловушку.

Но теперь Маша видела все иначе, чем прежде. Все, в том

числе нехитрую задачу. Она быстро прикинула – если булочка стоит двадцать рублей, а вместе с кофе – сто двадцать, значит, кофе стоит сто рублей, то есть не на сто, а на восемьдесят рублей дороже булочки... значит, булочка стоит...

– Булочка стоит десять рублей! – быстро проговорила она, пока до остальных не дошел смысл задачи.

– Верно, – Василий Андреевич удовлетворенно кивнул и что-то записал на листке.

– Как – десять? – удивленно пролепетала Карина. – Почему – десять?

– Тогда кофе стоит сто десять, ровно на сто рублей дороже, чем булочка.

Губы Карины обиженно скривились, Милена бросила на Машу недоброжелательный взгляд.

– Ладно, продолжим. Пять человек за пять часов собирают пять корзинок черники. Сколько времени потребуется ста людям, чтобы собрать сто корзинок?

Женщины задумались. На этот раз первой ответила Милена:

– Сто часов.

Маша представила сто энергичных старушек с корзинками, представила, как они ловко обирают усыпанные ягодами кустики. И снова сквозь эту мысленную картинку проступил стеклянный сад ее видений – и ответ выскочил сам собой:

– Те же пять часов.

– Правильно! – Василий Андреевич улыбнулся ей и снова

что-то записал.

– Пойдите, почему пять? – удивленно проговорила Милена. – Им ведь надо собрать сто корзиночек...

– Но их и самих сто! – ответила Маша.

На это раз Милена посмотрела на нее с открытой злостью.

– Третья задача! – перебил их Василий Андреевич. – В пруду растут кувшинки. Каждый день их становится вдвое больше. Если за двадцать четыре дня они покроют весь пруд, то за сколько дней они покроют половину?

Карина и Милена, наученные опытом первых вопросов, молчали. Первой нарушила тишину Елена:

– За двенадцать дней!

– А если подумать?

Маша снова увидела стеклянный сад, волшебный сад своих видений, а посреди него – тенистый, сонный пруд, покрытый кувшинками. Если каждый день кувшинок в пруду становится вдвое больше и если за двадцать четыре дня они покрыли пруд целиком, значит, накануне они покрывали половину...

– За двадцать три дня! – проговорила она тихо.

– Почему за двадцать три? – спросила Елена – и тут у нее в глазах проступило понимание. – Да, действительно, двадцать три... тогда за последний день они покроют весь пруд...

– Что за... – начала было Милена, но Василий Андреевич ее резко перебил:

– Ну, и еще одна задачка. Скажите, какое слово здесь лиш-

нее: арфа, огурец, табурет и баобаб.

– Арфа! – снова первой выпалила Карина.

– Почему? – осведомился Василий Андреевич.

– Потому что она – музыкальный инструмент.

– А по-моему, лишний здесь огурец, – возразила Маша. –

Все остальные слова начинаются и кончаются на одну и ту же букву.

На этот раз ей даже не пришлось прибегать к своим видениям – ответ всплыл у нее в голове сам собой. Вот просто стало все ясно. Да и не такая уж сложная эта загадка.

– Хорошо. – Василий Андреевич что-то записал и поднялся со своего места. – Сейчас мы пройдем в другую комнату. Эльвира, проводите наших гостей...

– Ну, ты даешь, – шепнула Милена, – на ходу подметки рвешь! Где ты этому научилась?

Эльвира переглянулась с шефом, подошла к очередной двери, на этот раз ей понадобился ключ. Она открыла дверь, и все прошли в следующую комнату.

Эта комната была гораздо больше предыдущих и не была на них похожа. Вместо обычной офисной мебели в ней были расставлены странные бесформенные предметы из полупрозрачного стекла, что-то вроде стеклянных кустов или скорее кораллов, обросших прозрачными отростками.

Среди этих стеклянных кораллов были расставлены несколько стульев, посередине комнаты на небольшом столике находился какой-то электронный пульт.

И снова Маша вспомнила стеклянный сад своих видений, на этот раз с куда большим основанием.

– Садитесь! – проговорил Василий Андреевич.

Женщины расселись. Эльвира встала в угол комнаты, Василий Андреевич занял место перед пультом. Убедившись, что все устроились, он нажал несколько кнопок.

Тут же стеклянные кораллы засветились странным голубым сиянием. Это сияние становилось все сильнее и сильнее, затем оно начало пульсировать.

Голова у Маши закружилась, ей показалось, что ее тело стало невесомым. Кажется, еще немного – и она взлетит... или растворится в пульсирующем свечении...

А потом у нее возникло странное чувство, будто в этой пульсации скрыт некий тайный смысл, будто с ней говорит кто-то давно знакомый, но забытый... кто-то, кого она давно знает и кому она безоговорочно доверяет... будто этот давний знакомый что-то сообщает ей, что-то очень важное...

Вдруг пульсация света прекратилась, а потом стеклянные кораллы погасли.

Женщины переглядывались, они выглядели растерянными и удивленными. Василий Андреевич отошел от пульта, потирая руки, и проговорил:

– Завтра мы продолжим. Сейчас Эльвира разместит вас по вашим комнатам...

– Как – по комнатам? – забеспокоилась Милена. – Мы что, будем здесь ночевать?

– Разумеется, – заговорила женщина в черном. – Завтра прямо с утра мы продолжим нашу работу.

– Но я не сказала дома, что не вернусь... Вы не предупредили, что так будет... И вообще, что это все значит, для чего все эти тесты и когда будут съемки? Я ничего не понимаю...

– Это – ваши проблемы. Если не хотите участвовать в съемках – пожалуйста, уезжайте. Никто вас силой не удерживает. Но только сейчас. Если же сейчас вы останетесь, тем самым вы подтвердите, что согласны участвовать в съемках шоу до самого конца. До того, как определится победитель...

– Я... я согласна... – проговорила Милена после короткого раздумья и оглядела остальных участниц. – Только сейчас я позвоню домой... я должна предупредить...

Она достала телефон, потыкала пальцем в экран, и лицо ее удивленно вытянулось:

– Нет связи...

Елена тоже достала телефон – и у нее тоже ничего не получилось, сигнала не было.

Она очень расстроилась:

– Я должна поговорить с дочкой – иначе она не заснет... мы с ней обязательно разговариваем перед сном...

Не сумев позвонить, Елена стала показывать всем фотографии дочки на том же телефоне. Хорошенькая девочка с голубыми глазами и золотистыми локонами...

Маша не стала и пробовать звонить – толку-то? Тем бо-

лее что вряд ли ее кто-то хватится. Вот если она ночевать не придет – тогда, конечно, заметят. Но тоже ничего делать не станут, не станут звонить в полицию или в больницы.

А вот интересно, когда они забеспокоятся? Сколько должно пройти времени – неделя, месяц, год? Ну, это она, конечно,хватила. Наверное, завтра муж позвонит ей на работу, а там скажут, что она уехала в командировку. Вот так вот, все совпало.

– Со связью здесь действительно проблемы, – Эльвира развела руками. – Такое уж тут место... сами видели – промзона... Так что, вы хотите уехать?

– Нет... я останусь... – Милена отступила, но глаза ее блеснули сердито.

– Все останутся?

Ответом ей было молчание.

– Если никто не хочет уезжать, я покажу вам ваши комнаты, – бросила Эльвира нелюбезно.

– А ужин будет? – заволновалась Карина. – Я не смогу заснуть без ужина.

– Обязательно!

Эльвира открыла очередную дверь, и женщины вошли в следующую комнату. Здесь был длинный стол, накрытый клетчатой виниловой скатертью, на нем стояли пять стаканов с молоком и пять тарелок с крекерами.

– Не буду вам мешать! – И с этими словами Эльвира вышла, закрыв за собой дверь.

– Это ужин? – разочарованно протянула Карина.

– По крайней мере, похудеем! – Милена села к столу и пригубила молоко. – Тебе, между прочим, полезно поголодать!

У Карины обиженно задрожали губы.

Маша переглянулась с Еленой и поняла, что той тоже не понравилась бесцеремонность Милены. Надо же, сама же призывала их не ссориться, а вяжется к этой толстушке Карине. Какое ей дело до чужого веса!

Сама Милена запихала в рот сразу три крекера и поднесла к губам стакан с молоком. Тоже поесть не дура!

Маша присела к столу и взяла с тарелки крекер. Молоко она не любила и поэтому отставила стакан. Была у нее в сумке маленькая бутылка воды, эту привычку приобрела она в командировках.

Ехала как-то в поезде с одной пожилой дамой, та рассказала, что всю жизнь по командировкам, какой-то она редкий специалист, все время по стране мотается. А у нас, говорит, цивилизация не везде еще присутствует. В глубинке-то европейских гостиниц не найдешь, так что по старой, советской еще привычке берет она с собой бутылку воды и кипятильник. Такие, говорила, гостиницы попадаются, там не то что чайника, стакана простого не допросишься. И без еды, сказала, человек уж несколько дней прожить сможет, а без воды – никак. А какая там вода, из-под крана, что ли, пить? Так что бутылочка всегда с собой должна быть.

Так Маша с тех пор и таскает в сумке всегда воду. И сейчас она вместо молока в номере попьет водички.

– Ты молоко не будешь? – спросила Карина, примостившаяся рядом с ней.

– Нет, не выношу его.

– Да я его тоже не очень люблю, но ничего другого ведь нет... можно я возьму твое?

– Да ради бога! – Маша пододвинула стакан соседке.

Та выпила свое молоко, потом Машино, с завистью взглянула на Машины крекеры, но не стала просить – устыдилась.

– Вытри рот, – посоветовала ей Маша. – У тебя молоко на губах.

– Странный какой-то вкус у этого молока! – пожаловалась Карина, вытирая губы салфеткой. – Наверное, восстановленное... из сухого порошка...

Когда все разделались со скудным ужином, к Маше подошла Милена.

– А ты крута! – проговорила она вполголоса. – Скажи честно – тебе эти вопросы заранее дали?

– Нет, конечно, с чего ты взяла?

– Правда? – Милена спросила это неприязненно, но потом сделала над собой явственное усилие и улыбнулась: – В общем, нам с тобой нужно держаться вместе...

Маша пожала плечами и отвернулась. Милена ей не нравилась, какая-то она беспардонная, слишком активная, всюду лезет, интригует. К Маше вроде в подружки набивается, Ка-

рину обидела, а потом небось к Елене подкатит или к этой... к Марине.

Елена производила неплохое впечатление – приятная блондинка, дочка очень на нее похожа. И... Маша заметила, что вместо обручального кольца у нее на правой руке обычное колечко, с зеленым камушком. Интересно, с кем она девочку оставила...

Через несколько минут в комнату вошла Эльвира, внимательно оглядела стол, увидела, что все съедено и выпито и удовлетворенно потерла руки.

– Что ж, хорошо. Теперь – по комнатам!

Они пошли по полутемному коридору. Эльвира открыла одну из дверей, впустила Милену, зашла с ней и почти сразу вышла, захлопнув дверь за собой. Замок звучно щелкнул, из чего Маша сделала вывод, что дверь заперта.

Комната, в которую Эльвира привела Машу, была маленькая, в ней едва помещалась узкая кровать, стол, стул и стеной шкаф. Еще здесь была дверь – видимо, в санузел.

Эльвира вышла.

В тот момент, когда она закрывала дверь, Маша под влиянием мгновенного импульса скользнула к двери и приложила к язычку замка сложенное вчетверо приглашение на шоу.

Дверь захлопнулась, но замок не защелкнулся. Маша снова удивилась, до чего здорово у нее все получилось. Откуда что взялось – и реакция быстрая, и сообразительность. Но она решила, что сейчас не время над этим думать.

Маша еще раз оглядела свою комнату. За второй дверью обнаружился крошечный санузел – унитаз, раковина и душевая кабинка, в которой едва можно было уместиться. Все, однако, было новое, чистое. На полочке возле раковины лежала зубная щетка в нетронутой целлофановой обертке и тюбик пасты. И полотенце – простое, вафельное.

Маша умылась и почистила зубы. Да, завтра утром противно будет надевать несвежее белье, но делать нечего. Хорошо хоть душ есть.

Полотенце с трудом раздиралось от избытка крахмала. Маша поморщилась, свекровь так белье крахмалила, чуть стиральную машину не сломала. Белье такое жесткое получалось, как на досках спишь. В углу на полотенце стоял штамп «БУ СНК». Вот и верно, что БУ, полотенце-то далеко не новое.

Маша вернулась в комнату и села на кровать.

Вот теперь самое время подумать.

Несомненно, она попала в очень странное место. Эта Промышленная улица и убогий офис... Кстати, 3-я Промышленная, а где, интересно, первые две? И есть ли они?

В общем, она представляла себе съемки шоу совершенно по-другому.

Во-первых, отчего так мало людей? Во-вторых, для чего все эти тесты и загадки? Для чего их проверяют? Вместо того чтобы учить держаться перед камерой и так далее, им задают дурацкие задачки, просто как на школьной викторине.

Непонятно.

Но и сама она изменилась. Она буквально не узнавала себя. Быстрые и правильные ответы на сложные вопросы, удивительная реакция... и это видение, этот стеклянный сад...

Но все же что это за странное место? Что здесь происходит? Это совсем не то, что они обещали... А хотя Маша понятия не имеет, что они обещали, это знала та, вместо кого она пробралась сюда обманом, эта Алина. Ох, как бы не оказался прав ее муж или бойфренд, утверждая, что все это – туфта...

День сегодня был длинным и трудным, Маша устала. Она прилегла на кровать, не раздеваясь, поверх одеяла, чтобы дать отдых телу, – и не заметила, как задремала.

Но почти сразу проснулась, потому что ей показалось, что в ее комнате кто-то разговаривает.

Она села на кровати, сбросила остатки дремоты.

Нет, ей не показалось – в комнате действительно раздавался негромкий мужской голос, он доносился откуда-то из-под потолка.

Прислушавшись, Маша узнала голос Василия Андреевича. Но вот слова... слова были какие-то бессмысленные, бессвязные.

– Двести семьдесят четыре. Алеут. Вагранка. Сорок шесть. Кетцалькоатль. Восемьсот семнадцать. Переплетная мастерская. Достижение. Кессонная болезнь. Четыреста шестьдесят восемь. Автоген. Никарагуа. Семьсот девять.

НОСТО...

Слова были бессмысленные, но голос Василия Андреевича звучал властно, повелительно, и Маша почувствовала, что под влиянием этого голоса, этих странных, бессмысленных слов в ее мозгу возникают непонятные картины. Металлическая лестница вроде корабельного трапа... длинный коридор, в конце которого видна полуоткрытая дверь, а за этой дверью – сутулый человек... наполненный людьми зал – то ли концертный, то ли лекционный, и тот же сутулый человек идет по проходу между рядами...

А потом перед ней возник сад, удивительный голубовато-прозрачный стеклянный сад из ее прежних видений... она шла по этому полупрозрачному саду, среди голубых цветов и деревьев, а внутри ее звучали загадочные слова:

– Газгольдер... Вальпараисо... девятьсот семьдесят два... тритон... ожидание...

И вдруг сквозь этот властный, гипнотический голос пробился какой-то странный, посторонний звук.

Маша вздрогнула – и очнулась, пришла в себя и прислушалась. Голос Василия Андреевича все еще звучал под потолком комнаты, но из коридора доносились быстрые, торопливые шаги нескольких человек, приглушенные голоса. Кто-то вскрикнул, упало что-то тяжелое, но потом снова наступила тишина.

Маша сбросила остатки сна, поднялась, подкралась к двери, осторожно нажала на дверную ручку. Дверь бесшумно

открылась, и она выглянула в коридор.

В дальнем его конце промелькнула фигура в черной униформе, остановилась возле очередной двери и скрылась за ней.

Что это? Ей показалось, или правда, в этом пустынном месте появились какие-то люди? Но почему ночью?

Маша вышла из комнаты и крадучись двинулась по коридору.

Ноги сами принесли ее к той двери, за которой только что исчез человек в черном. Маша остановилась перед этой дверью, замерла и прислушалась.

Из-за двери доносились два голоса. Один из них был ей знаком – это был голос Василия Андреевича, тот же самый голос, который только что раздавался в ее комнате, произносил непонятные, бессмысленные слова. Но сейчас он не казался ни властным, ни гипнотическим – он звучал растерянно, словно оправдываясь.

Второй голос был резкий, с сухим металлическим призвуком. Голос человека, привыкшего командовать. Человека, привыкшего, что его приказы немедленно исполняются.

Мужчины разговаривали негромко, но в ночном здании царила глубокая, напряженная тишина, а Машины чувства были до предела обострены, поэтому она различала каждое слово.

– Тебе ведь однозначно сказали, что эксперимент нужно немедленно прекратить! – говорил незнакомец, обладатель

резкого металлического голоса. – Это был приказ! А приказы, как известно, не обсуждаются, их выполняют!

– Как это можно прекратить! Мне осталось совсем немного! Я уже, собственно, добился результата! Ты прекрасно понимаешь, как это важно! Ты прекрасно понимаешь, какие перед нами откроются возможности! Мы потратили на эксперимент столько времени, столько сил, столько денег, в конце концов! Я должен довести его до конца!

– Ты, кажется, меня не слушаешь! Все должно быть немедленно прекращено!

– Нет, это ты меня не слушаешь! Я уже многого добился, группа подобралась хорошая, особенно один человек... я обязательно должен довести дело до конца! Дай мне еще один день!

– Только не сейчас! Комитет принял решение – и оно непременно будет исполнено. Если это не сделаю я, завтра пришлют другого человека. Он не будет с тобой разговаривать... И я это делаю только ради нашего давнего знакомства... Василий, ну, опомнись же ты наконец! Да, я согласен, твои исследования очень важны, эксперимент, возможно, и уникален, но безумно опасен!

– Но мне практически все удалось! Работа зашла слишком далеко! Сейчас как раз заканчивается последняя фаза! – Василий Андреевич почти кричал, в голосе его появились умоляющие нотки.

– Подопытные в состоянии глубокого сна? – отрывисто

спросил его собеседник.

– Да, вечером я провел первую фазу, потом, за ужином, им дали принять препарат, предельную дозу, и сейчас им внушается вся связка... к утру они будут готовы к первому испытанию...

– Какое, к черту, испытание? – на этот раз слышно было, что обладатель металлического голоса вышел из себя. – Не будет никаких испытаний, ты понял? Они спят, тем легче будет от них избавиться.

– Что ты имеешь в виду? – голос Василия Андреевича сорвался, он просто пустил петуха.

– Ты прекрасно знаешь что. Мы не можем допустить, чтобы вовне просочились хоть какие-то сведения об эксперименте! Ни в коем случае не можем! – Теперь у его собеседника фразы были рубленые, он ничуть не волновался.

– Ты собираешься... – теперь в голосе Василия Андреевича прозвучал явный ужас, – ты хочешь устранить всех... всех участников моего эксперимента?

– Чего я хочу – не имеет никакого значения. Важно только то, что я – точнее, что мы должны сделать. Еще раз напоминаю тебе – никто не должен узнать об эксперименте! Так что устранить придется всех – не только подопытных, но и обслуживающий персонал.

– Весь?!

– Кроме самых необходимых. Эльвиру можешь оставить, а все остальные...

В голосе незнакомца прозвучала такая холодная, бездушная жестокость, что Маше показалось, будто ее сердце сдавила ледяная рука. Ей стало тяжело дышать.

Но тут же она поняла, что нельзя терять ни минуты, нужно действовать, действовать как можно быстрее... действовать, если она хочет остаться в живых! Она не стала сомневаться и раздумывать, отчего-то она сразу поняла, что незнакомец с металлическим голосом говорит серьезно.

Эксперимент... Черт его знает какой, но однозначно незаконный. Но тогда понятно, отчего их пригласили в такое убогое место, и народу тут мало.

Очень осторожно Маша отошла от двери и сделала несколько шагов назад, боясь развернуться и спастись бегом. Под ногу попало что-то острое, так что она едва не вскрикнула. Услышав шаги в коридоре, когда проснулась, она не стала надевать туфли, а побежала босиком. Попробуйте-ка ступать бесшумно на каблуках! Так что теперь она наступила босой ногой на щепку или на кусок проволоки. Ну да, так и есть, обломок гвоздя. Хорошо, что не поцарапалась до крови.

Однако боль Машу несколько отрезвила. А что, если это все так и было задумано? Мистификация, обманка. Ну, слышала она, как разговаривают двое, мало ли что наговорят. А что, если это – тоже своего рода тест?

Не будем уточнять, за каким чертом им все это нужно, но этот Василий Андреевич какой-то странный...

Вдруг ее ушей достиг какой-то звук – как будто кто-то всхрапнул или всхлипнул, потом захлебнулся и затих.

Она бросилась по коридору назад – туда, откуда совсем недавно привела их Эльвира. Однако не прошла и десяти шагов, как увидела на полу какую-то темную, бесформенную грудку.

Подойдя к ней, она попятилась и едва сдержала крик: на полу лежало ничком безжизненное человеческое тело.

Преодолев страх, она снова подошла к этому телу и осторожно дотронулась до него.

От этого толчка человек перекатился на спину, и она узнала Павла, того мужчину, который проводил с ней первый тест. Глаза его были широко открыты, но в них не было признаков жизни.

Маша дотронулась до его шеи, чтобы нащупать пульс, – но ничего не почувствовала. Зато она увидела на горле Павла узкую красную полосу и поняла, что он задушен...

Человек с металлическим голосом уже приступил к реализации своего кошмарного плана! Ну да, он ведь только что сказал, что персонал тоже должен быть уничтожен... Так быстро...

Маша представила себе, как тонкая веревка обвивается вокруг шеи все туже и туже, вот уже воздух не может пройти в гортань...

От ужаса она едва не задохнулась, вскочила и метнулась прочь по коридору, мимо закрытых дверей. Прочь, прочь от-

сюда, прочь из этого ужасного места!

Тут она вспомнила, что за этими дверьми спят остальные участницы подозрительного шоу, и подумала, что их тоже нужно спасти или, по крайней мере, предупредить.

Она бросилась к первой двери, дернула за ручку.

Дверь открылась – наверное, замок на ней нельзя было открыть только изнутри, снаружи он открывался легко. На кровати лежала, повернувшись лицом к стене, толстушка Карина.

Дверь за спиной Маши начала закрываться.

Чтобы замок не защелкнулся, Маша подложила под язычок тот же сложенный листок, который взяла из своей комнаты, подбежала к кровати.

– Карина! – зашептала Маша. – Проснись! Просыпайся, говорю! Нужно отсюда уходить!

Карина даже не шелохнулась.

Маша пригляделась к ней, прислушалась... и в душу ее закралось ужасное подозрение.

В тишине комнаты она не слышала дыхания Карины, не замечала ни малейшего движения. Просто лежит как... как мертвая? Ужас какой, неужели она опоздала!

Маша наклонилась ниже, потрясла Карину за плечо, перевернула на спину.

Карина не дышала.

Неужели те ужасные люди уже добрались до нее? Как сказал тот человек – от всех избавиться... Но когда же они успе-

ли? Вроде бы только что Маша слышала тот разговор, и в коридоре никого не встретила...

Но нет, на Карине не было никаких следов насилия. Она словно безмятежно спала. На лице толстушки застыло выражение детской обиды, из-под полуопущенных век поблескивали краешки белков. На губах виднелись следы молока.

Маша вспомнила слова Василия Андреевича: «За ужином им дали предельную дозу препарата...»

Вспомнила, как за ужином Карина пожаловалась на непривычный вкус молока...

Все ясно. В молоке был какой-то препарат, вызвавший у тех, кто его принял, глубокий сон. Карина выпила два стакана молока – и получила двойную дозу препарата. И заснула таким сном, глубже которого не бывает. Заснула навсегда.

Маше показалось, что она услышала нежный, жалобный звон. С таким звоном рассыпался стеклянный сад ее видений. Неужели и вся жизнь рассыплется сейчас на тысячи сверкающих осколков?

В комнате внезапно не стало воздуха. Она схватилась за горло, с трудом преодолела спазм и вдохнула. Справившись с ужасом, выскочила из комнаты.

Открыла соседнюю дверь, как прошлый раз, подложила под язычок замка сложенный листок, метнулась к кровати.

На этой кровати, разметавшись, спала Елена.

В первый момент Маше показалось, что она тоже мертва, и душу ее захлестнуло отчаяние. Но тут она услышала сон-

ное дыхание женщины, неразборчивое бормотание.

Маша подскочила к кровати и потрясла Елену за плечо:

– Поднимайся! Вставай, Лена! Нужно отсюда уходить!

Немедленно уходить!

Елена что-то недовольно промычала и отвернулась к стене.

– Да вставай же! – Маша ущипнула ее за щеку, но Лена только поморщилась, как обиженный ребенок.

Это было ненормально. Человек не может так крепко спать, если только... ах, ну да, ведь за ужином им дали какой-то препарат. Это все объясняет...

Неужели ей не удастся разбудить остальных женщин? Неужели все они обречены?

Она снова безуспешно потрясла Елену за плечи, но та даже не шелохнулась.

Маша оглядела комнату в тщетной надежде найти что-то, что поможет ей разбудить Елену.

И тут на полу она увидела булавку. Обычную английскую булавку.

Маша нагнулась, подняла булавку, распрямила ее и уколола Елену в ногу.

Та дернулась, вскрикнула и открыла глаза.

– Что это было? – пролепетала сонным, невнятным голосом и тут увидела Машу.

– Что ты делаешь в моей комнате?

– Потом, потом! Поднимайся, нам нужно уходить отсюда!

Разбудить всех и увести их! Иначе нас убьют!

– Что за ерунду ты несешь? – недовольно проговорила Елена, и глаза ее снова начали закрываться. – Дай мне поспать... очень спать хочется... сил нет, как хочется...

– Если ты сейчас заснешь, ты больше не проснешься!

– Да что ты такое несешь... что за ерунда... кому мы нужны... дай же мне поспать...

Голос ее становился тише, глаза слипались.

– Говорю тебе – просыпайся!

Маша еще раз уколола Елену булавкой. Та вскрикнула и села в кровати.

– Ты что, с ума сошла? Больно же!

– Говорю тебе – нужно вставать и уходить отсюда, иначе нас всех убьют!

Елена тупо смотрела перед собой. Маша едва не опустила руки, но тут вспомнила фотографии на Ленином телефоне и решила применить запрещенный прием.

– Ты дочку свою хочешь увидеть?

– Дочку? – вскинулась Елена, в ее глазах проступило осмысленное выражение. – Само собой...

– Тогда возьми себя в руки и проснись!

Елена встряхнула головой и сползла с кровати.

– Да что со мной такое... никогда такого не было...

– И вот опять! – передразнила ее Маша. – Пойми – нам всем за ужином что-то подмешали в молоко, какое-то сильное снотворное.

– А ты?

– А я не пила молоко.

– Да, у этого молока правда был какой-то странный привкус... мне тогда еще показалось...

– Ну что, ты пришла в себя?

– Более-менее...

– Тогда пойдем, постараемся остальных тоже вытащить.

Елена сделала несколько неуверенных шагов, взяла со стула свою сумочку, достала из нее стеклянный пузырек, откупорила. По комнате поплыл резкий знакомый запах. Елена поднесла пузырек к носу, глубоко вдохнула, передернулась, как промокшая собака, встряхнула головой. Глаза ее прояснились.

– Что это?

– Нашатырь. У меня иногда кружится голова, так я ношу с собой пузырек. Очень помогает.

– Хорошо, это нам пригодится! Нам нужно разбудить остальных... тех, кого еще можно.

– Что ты хочешь сказать? – глаза Елены испуганно заметались, и Маша решила не говорить пока о Карине.

Елена привела себя в порядок, оделась, причем Маша все время ее подгоняла. Они вышли в коридор, подошли к следующей комнате, открыли дверь.

Там спала Марина. Маша попробовала ее разбудить, но, как и с Еленой, вначале ничего не вышло. Но теперь у Маши был уже опыт, и она уколола Марину булавкой, а когда

та вздрогнула и открыла глаза, Елена поднесла к ее носу пузырьрек с нашатырем.

Марина ахнула, подскочила и изумленно уставилась на женщин.

– Что такое? Что случилось? Почему вы здесь?

– Просыпайся, одевайся! – скомандовала Маша. – Нам нужно срочно уходить отсюда.

– Почему? В чем дело?

– Потом, я все объясню потом! Сейчас – подъем!

Марина неохотно поднялась. Елена помогала ей одеться, а Маша, чтобы не терять времени, вооружилась булавкой и нашатырем и отправилась в следующую комнату – туда, где спала Милена.

Однако ни булавка, ни нашатырь ей не понадобились. Едва она потрясла Милену за плечо – та, как ни странно, тут же проснулась и удивленно уставилась на Машу:

– Что случилось?

– Потом объясню. Сейчас нужно уходить отсюда.

Как ни странно, Милена не стала задавать никаких вопросов, она быстро поднялась, оделась, и они вышли в коридор, где их уже ждали Елена и Марина.

Маша оглянулась, прислушалась и махнула рукой, чтобы все двигались за ней.

– Куда мы идем? – вскинулась Милена. – Ты можешь объяснить, что все это значит?

– Помолчи! – цыкнула на нее Маша злым шепотом. –

Орешь как на вокзале, сейчас они услышат и прибегут.

Они прокрались по коридору в ту комнату, где проводились тесты, там никого не было.

– Ну вот, все в сборе, теперь нужно подумать, что делать, как отсюда выбраться.

– Как – все? – удивленно спросила Елена, оглядев собравшихся. – А Карина?

Маша помрачнела:

– Ей мы уже не сможем помочь.

– То есть... что значит – не сможем?

– Она умерла.

– Не может быть! Как это – умерла? Она выглядела совершенно здоровой...

– Вообще, объясните мне, что происходит! – потребовала Марина. – Я никуда не пойду, пока вы не скажете, в чем дело...

– При чем тут я? – фыркнула Милена. – Это она у нас теперь главная, она все выдумала!

И они уставились на нее все трое: Елена – с недоумением, Милена – с нагловатым прищуром, а Марина – с откровенной ненавистью.

Маша только сейчас ее как следует разглядела, до этого Марина держалась в тени. Ни о чем не расспрашивала других, не задавала вопросов ни Эльвире, ни Василию Андреевичу, не отпускала никаких комментариев, не рассказывала о себе, как Елена, не вязалась к другим, как Милена, не

жаловалась на условия, как Карина. Помалкивала, в общем.

В отличие от Карины Марина была худа и угловата, одета очень просто – джинсы и джемперок на молнии, все самое обычное. Вот на Елене тоже джинсы, но видно, что приличной фирмы, и куртка кожаная, мягкая, такую не то что надеть, погладить – и то сразу видно, что дорогая.

Маша вздохнула и коротко рассказала своим подругам по несчастью про то, как проснулась среди ночи оттого, что Василий Андреевич говорил какие-то странные слова.

– Не может быть! – тут же перебила ее Милена. – Тебе наверняка приснилось!

Маша только махнула рукой, чтобы не перебивали, и рассказала про неизвестных людей в коридоре и как она прокрадась к кабинету Василия Андреевича и услышала там разговор его с незнакомым мужчиной.

– Это не съемки шоу, а какой-то очень опасный эксперимент! – втолковывала она. – И теперь этот тип пришел, чтобы все прекратить, а он не может допустить утечки информации, поэтому он сказал, что нужно всех подопытных уничтожить. И персонал тоже, только оставить эту стерву Эльвиру.

– Точно, очень неприятная женщина! – закивала Елена.

– Все сказала? – Милена встала напротив Маши и сложила руки на груди. – Ничего не забыла?

– Времени нет подробности обсуждать...

– А теперь ответь, для чего тебе все это нужно!

– Как – для чего? – оторопела Маша. – Говорю же вам, здесь опасно!

– Ага, опасно... трупы вокруг валяются! И где они, те трупы? Их только ты видела, так можешь и соврать, вот только я хочу выяснить, зачем тебе это надо? Хотя что там, я и так знаю! Хочешь, чтобы мы все отсеялись, а ты победила и все деньги себе заграбастать?

– Какие деньги! – тут Маша удивилась по-настоящему.

– Ты идиотку-то из себя не строй! – зло бросила Милена. – Никто не поверит, что ты дура, вон какие задачки на счет раз решала! Сообразительная, блин...

– Ну да, деньги... – сказала Елена, – победитель получает миллион, ты разве забыла?

– Ах, деньги... – Маша вспомнила, что в подслушанном разговоре в кафе никакие деньги не фигурировали. Все ясно, Алина нарочно не сказала про них своему любовнику, чтобы он не наложил потом лапу. Хитра, нечего сказать... и неглупа, хоть с виду и не скажешь. Прикинула варианты и решила не рисковать своим благополучием. И получается, что правильно сделала.

– Вряд ли деньги понадобятся покойникам, – буркнула Маша.

– Слушай, ну что ты завелась? – Милена подошла ближе и говорила теперь не так сердито. – Ну, допустим, мы поверим, что ты не врешь, что ты и правда что-то там слышала и видела. А что, если это – инсценировка? Если нас проверя-

ют, если это – очередной тест?

Маша и сама подумывала об этом, но после того как увидела двух покойников, уверилась, что все на самом деле.

– Говоришь, Павел в коридоре лежит задушенный? – говорила Милена. – А чего же его не спрятали? Не унесли куда-нибудь? Или Карина заснула мертвым сном? А если она притворяется? Ты, что ли, врач, чтобы смерть констатировать?

– Нет, не врач, – угрюмо бросила Маша, – но... я пульс проверила, пульса не было.

– Пульса не было? – захохотала Милена. – Ну, этот фокус в любом детективном фильме покажут! Чем-то там шею обматывают, что пульс не прощупывается!

– Точно, – неожиданно поддержала ее Марина, – они же тут профессионалы.

– А я о чем говорю? – обрадовалась Милена. – Теперь этот Павел, якобы его задушили. Он что – холодный был? Нет, конечно, якобы остыть не успел. А я тебе скажу, что просто полоску на шее нарисовали, а ты и поверила. И еще: говоришь, шли вооруженные люди, спецназовцы, и где они теперь? Отчего они за нами не идут?

– Ори громче, тогда придут, – разозлилась Маша. – В общем, так. Я уйду из этой богадельни, а вы как хотите, решайте сами. Верите мне, не верите, мне все равно.

– Ты не можешь уйти, ты контракт подписала! – голос Милены зазвенел.

– Меньше народу – больше кислороду! – криво усмехнулась Маша. – У вас больше шансов миллион заработать! Кто со мной?

– Я, – Елена подошла к Маше. – Я хочу уйти отсюда, зря я все это затеяла, лучше бы не начинала. Страшно тут, если хоть часть из того, что ты говорила, правда, то и миллион не нужен.

– Миллион не нужен? – вдруг протянула Марина каким-то завывающим, ненатуральным голосом. – Ах тебе миллион не нужен? Ну, ясно, сама упакована по высшему классу, от скуки решила в шоу принять участие. Мужик тебя содержит, и чтобы ты на стенку не лезла, разрешил. Миллион так просто отбросила и пошла. Еще бы, зачем тебе деньги, ты только свистни – и все у тебя будет. И так уже есть, и всегда было. Знаю я таких, как ты, куколок балованных. Сначала родители на руках небось носили, потом к мужу на шею пересела. Живешь как в раю, ходишь как по облаку, знать не знаешь, что кругом совсем другая жизнь, и думаешь, что так всегда и будет.

– Это не так... – слабым голосом сказала Елена.

– Да что ты о жизни знаешь? – Марина наступала на нее. – Ты знаешь, как жить, когда нет денег не то что за квартиру, а и угол у бабки-алкоголички снять не на что? Когда поесть себе можешь позволить только один раз в день, и то не досыта? И никто не поможет, ни попросить, ни занять не у кого...

– Отстань от нее! – Маша решила вмешаться, видя, что

Елена не боец. – Ты на голодающую не похожа, и на бомжиху тоже, нечего тут на жалость бить!

– На жа-алость? – расхохоталась Марина, и смех ее был такой злобный, что не хотелось слушать, хотелось заткнуть уши. – Ну, уж жалеть себя я никому не позволю! И милостыню просить не собираюсь! Сама возьму все, что надо!

Елена все отступала от нее назад и уперлась в стену, а Марина вдруг схватила ее за руку.

– И вали отсюда, дрянь! – прошипела она. – Не путайся под ногами! Зарабатывай деньги другим местом! А мне миллион нужен! Так что пускай тут хоть всех передушат-перережут, я не уйду.

– Отойди от нее! – Маша увидела, что Еленины глаза потемнели от боли. – Мы уходим, а вы как хотите!

Она схватила Елену за плечо и подтолкнула вперед, краем глаза следя за Мариной, как бы та не ударила в спину. Но Марина внезапно потеряла к ним интерес и отвернулась. Милена выглядела озабоченной, но удерживать их не стала.

– Не отставай! – бросила Маша Елене, когда они отошли на некоторое расстояние от тех двоих.

– Послушай, а ты что, так и собираешься идти? – Елена указала на Машины босые ноги.

– Черт! – только сейчас Маша сообразила, отчего ей так неудобно.

Как выскочила тогда, чтобы подслушать беседу тех двоих, так с тех пор и не была в своей комнате. Все из-за дурацких

туфель, которые купила зачем-то, хотя они ей и не понравились совсем. Даже если бы они были у нее на ногах, как убежать на каблуках, они же стучат.

Вон у Елены на ногах мягкие мокасины, легко и удобно... И сумка у нее красивая... черт, Машина сумка тоже осталась в комнате! А в ней... ну, прежде всего там папка с документами, которые она должна была отвезти на завод в Металлопрокате. Кошелек и паспорт у нее в кармане жакета, и мобильник там же.

Это ее та же тетенька научила, командировочная. Клади, говорит, самые необходимые вещи поближе к себе, так, чтобы, во-первых, получше спрятать, а во-вторых, легко достать можно было. В командировках всякое может случиться, мало ли – проверка документов, ты начнешь в сумке рыться, только людей рассердишь. Они ведь тоже на работе, может, какого-то преступника ищут, а тут тетеха все дело затормозила. А сумку ведь в том же поезде всегда украсть могут, так что лучше держать важные вещи поближе к телу.

Так у Маши уже условный рефлекс выработался, спасибо той тетеньке за науку.

Значит, бог с ней, с сумкой, но идти босиком никак не получится. Что делать?

И тут же за поворотом послышались шаги, и Маша утянула свою спутницу в нишу ближайшей двери. Потом осторожно выглянула и увидела Эльвиру. Вид у помощницы Василия Андреевича был весьма помятый. Ну, еще бы, соско-

чила небось с постели, а тут такие новости. Волосы не прилегали к голове, а стояли дыбом, как у рассерженного ежа, глаза не накрашены и оттого казались маленькими, вот губы были, как всегда, плотно сжаты.

Черный костюм отсутствовал, вместо него на Эльвире были спортивные брюки и рубашка в крупную клетку, на ногах – тапочки. Ну да, эта зараза знала ведь, что женщин оставят на ночь, припасла небось заранее кое-что из одежды. Может, у нее обувью разжиться?

Одним прыжком Маша приблизилась к двери и прислушалась. За дверью была какая-то возня, вот что-то упало, Эльвира чертыхнулась, что-то передвинули... и Маша едва успела отскочить от двери, потому что та распахнулась, и Эльвира выскочила в коридор, волоча за собой объемистую сумку.

К счастью, она побежала не в ту сторону, где пряталась Елена, и быстро скрылась за поворотом. Маша успела придержать дверь, не дав ей захлопнуться.

Комната у Эльвиры была попросторней тех спален, где ночевали участницы шоу, но обставлена так же скудно. Был только стол, где, судя по всему, стоял раньше компьютер, валялись там какие-то карандаши и листки бумаги. Компьютер Эльвиры, надо думать, взяла с собой, не решилась оставить.

На узкой койке, криво застеленной одеялом, валялись те самые спортивные брюки, а в стенном шкафу Маша нашла чемодан с теми же тапочками и пакетом грязного белья. И

все, больше ничего интересного. Придется удовольствоваться тапочками, хорошо хоть они не домашние шлепанцы.

– Что это? – Елена робко заглянула в дверь, в руках у нее была флешка. – Я на пороге нашла...

– Давай сюда! – Маша в это время влезала в спортивные брюки. Тапочки оказались впору, у них с Эльвирой был один размер, хоть это хорошо. Она предпочла не заметить осуждения в глазах Елены – нехорошо, мол, брать чужое. Конечно, нехорошо, но, как говорит ее свекровь: «Тут уж не до жиру, быть бы живу...»

Маша свернула за угол и прибавила шаг. Елена едва поспевала за ней.

– Куда мы идем? – спросила она через минуту. – Ты знаешь, куда нужно идти?

– Примерно, – уклончиво ответила Маша.

Она почувствовала неловкость и добавила:

– Мы идем примерно в том направлении, откуда пришли вчера. Там должен был выход.

И тут коридор перед ними закончился, превратившись в тупик.

– И куда теперь? – спросила Елена, с надеждой глядя на Машу.

Маша хотела резко ответить ей – мол, я-то откуда знаю, но в последний момент удержалась от грубости. Она вспомнила, как Елена показывала фотографии своей дочки, и по-

думала, что сделает все, чтобы они снова увиделись...

Вот интересно, у нее ведь самой сын, а она о нем и не думает. Все потому, тут же поняла Маша, что, если с ней что-то случится, если она не вернется, Антошка не пропадет, у него есть отец и бабушка. Что уж перед собой притворяться, сын к ней и не привязан совсем. Они трое – семья, а Маша так, сбоку припека...

У Елены, надо думать, совсем другой случай, так что нужно ей к дочери добраться как можно скорее.

Но вот куда сейчас идти?

Она закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться.

И снова, как много раз до этого, оказалась в удивительном саду, в стеклянном саду своих видений.

Она шла по дорожке между рядами стеклянных апельсиновых деревьев, усыпанных полупрозрачными плодами. Вдруг дорожка оборвалась, уткнувшись в стеклянную стену...

Маша повернула голову вправо, потом влево – и увидела, что за стеклянной стеной притаился укромный грот, от которого ее отделяет только хрупкая перегородка, не толще яичной скорлупы. Она дотронулась до этой перегородки, стекло рассыпалось от ее прикосновения, и она, наклонившись, вошла в грот, в темное пространство, уходящее в глубину, в неизвестность...

– Что с тобой? – раздался рядом озабоченный голос Елены. – Очнись! Там кто-то идет!

Маша открыла глаза.

Она стояла перед глухой стеной, а позади, за поворотом коридора, раздавались приближающиеся шаги.

Маша вспомнила свое видение – и протянула руку, дотронулась до стены в том же месте, как в стеклянном саду.

Но стена не рассыпалась от ее прикосновения.

Действительно, глупо было на это рассчитывать.

Эта стена была не из стекла, а из гипсокартона.

А шаги приближались к повороту коридора...

Маша в отчаянии надавила на стену изо всех сил.

Стена не рассыпалась и на этот раз – но она поддалась, повернувшись на оси, как вращающаяся дверь. За ней темнел глубокий проем, похожий на грот в саду ее видений.

– Скорее, сюда! – прошептала Маша, ныряя в потайную дверь. Елена проскользнула за ней, дверь за ними захлопнулась, на стене от нее не осталось и следа.

Здесь, как и в том гроте, было темно и тесно.

– Где это мы? – вполголоса спросила Елена.

– Тс-с! – Маша приложила палец к губам.

Совсем рядом, за тонкой дверью, слышались шаги, и удивленный голос проговорил:

– Куда же они подевались?

– Да с чего вообще ты взял, что они здесь?

– Я шаги впереди слышал.

– Слышал, слышал! Тебе показалось. Они наверняка свернули на предыдущей развилке. Пойдем туда...

На этот раз шаги удалялись.

– Кажется, они ушли! – едва слышно проговорила Елена.

– Все равно возвращаться нельзя!

– А куда же тогда?

Маша снова прикрыла глаза – все равно в темноте от них не было никакой пользы.

Но на этот раз стеклянный сад не возник перед ней. Ее по-прежнему окружала непроглядная душная темнота – но вдруг Маша почувствовала на своем лице легкое дуновение свежего воздуха.

– Где-то здесь должен быть выход!

– Ну да, – неуверенно согласилась Елена, – сквозняк легкий...

Маша пошарила перед собой в темноте и нащупала дверную ручку. Нажала на нее, дверь открылась – и они действительно оказались на улице. То есть это не была улица в прямом значении этого слова, но они были под открытым небом, в проходе, выложенном бетонными плитами и разделяющем два безжизненных заводских корпуса.

– Ура! – воскликнула Елена. – Выбрались!

– Ну, пока не совсем выбрались, – охладила Маша ее пыл. – Но во всяком случае, шанс у нас появился. Только шуметь все равно не нужно – те люди, которые нас преследовали, где-то близко.

Они снова пошли вперед, по растрескавшимся плитам.

Скоро, однако, проход закончился, уткнувшись в глухую

бетонную стену.

– И куда же идти теперь? – разочарованно протянула Елена.

Вот она, судьба лидеров, первопроходцев – как только возникают новые трудности, все смотрят на них и ждут нового решения... вот она, плата за доверие...

Елена беспрекословно выбрала ее лидером и шла за ней без капризов и пререканий, не то что Милена, которая вечно спорила, а уж Марина-то и вовсе вела себя ужасно. С одной стороны, с Еленой легче, а с другой – решения принимать приходится одной Маше. Но, как говорит свекровь, «взялся за гуж»... и так далее.

Ох, что-то часто Маша свекровь вспоминает, не к добру это!

Маша огляделась.

Стена впереди была глухой и слишком высокой, и она была сделана из монолитного бетона, так что вряд ли в ней может быть потайная дверь. Слева и справа тоже были глухие стены промышленных корпусов. В них были темные оконные проемы – но слишком высоко, на уровне третьего или четвертого этажа.

– Ловушка! – проговорила Елена. – Мы оказались в ловушке! Может быть, лучше вернуться?

– Возвращаться мы не будем. И не паникуй раньше времени! – оборвала ее Маша и снова огляделась.

С трех сторон их окружали глухие стены, однако к ле-

вой стене были привинчены скобы вроде корабельного трапа, поднимающиеся к одному из окон.

Ничего лучшего все равно не было, и Маша полезла по этим скобам наверх.

– Я боюсь высоты! – жалобно проговорила Елена.

– Ничем не могу помочь! – резко отозвалась Маша, но тут же вспомнила фотографии белокурой девочки и добавила: – Здесь не так уж высоко. Главное – не смотри вниз.

Елена тяжело вздохнула – и полезла за ней.

Подъем был не очень долгим и, на взгляд Маши, не очень трудным. Скоро она добралась до оконного проема и уселась на подоконнике, свесив ноги.

Перед ней было большое, даже огромное пространство, почти пустое, если не считать какую-то ржавую металлическую конструкцию на бетонном полу. Наверное, когда-то это был заводской цех.

На противоположной стороне цеха виднелся широкий проем, ведущий наружу. Но вот как до него добраться?

До пола было метров пятнадцать – высота пятиэтажного дома. И никакой лестницы, по которой можно было бы спуститься.

Сзади послышалось тяжелое, хриплое дыхание, и на подоконник вскарабкалась Елена. Устроившись рядом с Машей, она посмотрела вниз и охнула.

– Слушай, ты ведь небось на фитнес ходишь, в бассейне плаваешь, отчего же в такой плохой форме? – не выдержала

Маша. – Вроде бы лишнего веса нет, а ползешь наверх, как черепаха!

– Я высоты боюсь, – Елена отвернулась, – и... это я раньше всюду ходила, а как с мужем развелась, то...

– Что, денег совсем не дает? – Маша с усмешкой оглядела Еленину одежду. Курточка умопомрачительно дорогая, сумка тоже, в ушах сережки хоть с маленькими, но бриллиантами.

– Деньги дает... – голос Елены дрогнул, – дает, но только на то, что он сам считает нужным. На питание, на дочку, квартиру нам снял в хорошем месте трехкомнатную, про одежду так говорит: покупай все приличное, только не зарывайся. Мне, говорит, не нужно, чтобы разговоры пошли, что моя бывшая бомжихой ходит. Но и деньги на всякую ерунду транжирить не позволю.

– О, как тебя держит! Жадный он, что ли?

– Не то чтобы жадный... просто...

– Не реви! – строго сказала Маша. – У тебя положение еще не самое ужасное, все-таки денег дает на приличную жизнь.

– Знала бы ты... – Елена утирала слезы ладонью, – знала бы ты... У меня ведь ничего своего нет, вообще ничего, только что на мне. Если он захочет, то и дочку отберет, я ничего сделать не смогу.

– Как это? – возмутилась Маша. – А законы на что? Ребенок должен с матерью жить!

– Какие законы? У него такие адвокаты! – Елена махнула

рукой. – Говорит, сиди тихо, делай что велят, не то вообще денег не дам ни копейки. А куда я с ребенком?

Елена тяжело вздохнула.

– Делать ничего не умею, да он и не разрешает работать, мне, говорит, не нужно, чтобы сплетни пошли, что моя бывшая работает в магазине каком-то задрипанном. Да и как я дочку оставлю? Он на няню денег не дает, нечего, говорит, ребенка на няню бросишь, а сама по мужикам пойдешь? Имей в виду, если что узнаю – голую на улицу выгоню!

– А с чего это его так разбирает? – любопытствовала Маша. – Ты что, ему изменила, что со скандалом развелись?

– Да что ты! – Елена так замахала руками, что едва не свалилась с подоконника. – Вообще ни сном ни духом! А только прожили мы с ним лет пять, вдруг он приходит как-то и говорит: собирай манатки, я с тобой развожусь. Я прямо обалдела, слушаю его и ничего не понимаю, все как в тумане. Что такое, говорю, за что? Что случилось? Что я тебе сделала плохого? Ничего, говорит, не сделала, просто я так решил. И точка. Тут пришел его такой...

– Охранник, что ли?

– Ну, он все время при нем, вроде как порученец. Противный такой, глазками тут стреляет, носом водит, вынюхивает все... В общем, отвез нас с дочкой на квартиру, деньги, сказал, будут на карточку переводить, после уже приехал с документами на развод. Я тогда опомнилась чуть-чуть, говорю, что мне при разводе что-то причитается.

Он ничего не сказал, только хмыкнул и посмотрел так противно, а на следующий день приезжает муж. Здорово на меня наорал, ударил даже, дочку перепугал до смерти, ну, и велел сидеть тихо, а то ребенка отберет и увезет далеко, так что я не найду ее никогда.

– Ну и ну! – поразились Маша. – И как тебя угораздило за такую сволочь замуж выйти? Ты откуда сама-то?

– Ох, даже не хочу вспоминать ту свою жизнь! – вздохнула Елена. – Городок маленький, раньше фабрика там была мебельная, потом закрылась, все и развалилось. Мама меня без мужа родила, от командировочного какого-то. Призналась мне как-то, что нарочно с ним переспала, потому что не хотела рожать ни от кого местного.

А потом все-таки замуж вышла, мне двенадцать лет было. Мужик грубый попался, неприятный, она сказала – все-таки мужчина в доме. И правда, по хозяйству управлялся, да какое у нас хозяйство? Полдома всего и палисадничек. Ну, с деньгами полегче стало, после школы уговорила меня мама в училище поступать педагогическое, а как закончила его, так мама и умерла. Скоропостижно. Отчим после ее смерти запил. И как напьется – так ко мне пристаёт. Ну, отбилась я пару раз, а потом случайно услышала, как соседки сплетничают, что, мол, Павел давно с Ленкой живет, ни стыда у нее ни совести, и мать в могилу она свела.

– Вот мрази какие! – отреагировала Маша.

– И так мне противно стало, что собрала я вещички, день-

ги, что на пальто копила, да и рванула оттуда. Так бы, наверное, ни за что не уехала, у меня характер робкий, нерешительный, ты же видишь. – Елена слабо улыбнулась. – И что теперь? – проговорила она упавшим голосом. – Что мы здесь сидим?

– Ага, как сороки на заборе, – снова Маша вспомнила свежую кровь, это ее выражение. – Видишь – вон там, на другой стороне, выход?

– Выход-то я вижу, но как к нему попасть? Летать-то я не умею...

– Ты мне еще монолог Катерины прочитай! – проворчала Маша.

– Ах, отчего люди не летают? – проговорила Елена высоким, не своим, голосом и рассмеялась: – Мама в библиотеке работала, там драмкружок организовала. Только классику никто ставить не хотел, все и развалилось.

Маша разглядывала потолок цеха.

По этому потолку была проложена металлическая рельса, за которую зацеплено небольшое устройство – что-то вроде монорельсового вагончика. От этого вагончика свисала вниз железная цепь с огромным крюком на конце.

Наверняка это устройство для подъема и перемещения грузов внутри цеха. Но вот как привести его в действие?

Как уже было до того, Маша закрыла глаза, представив, что снова оказалась в стеклянном саду своих видений. Этот сад уже несколько раз приходил ей на помощь...

Она снова стояла на дорожке, усыпанной гравием, между двумя рядами стеклянных деревьев. Кроны деревьев смыкались у нее над головой, превращая дорожку в тенистый туннель, наполненный фантастическим голубоватым свечением. Когда стеклянных ветвей касался легкий ветерок, они издавали нежный мелодичный звон. Впереди, в конце этого туннеля, Маша увидела свет куда более яркий.

Маша пошла вперед, навстречу этому свету.

Еще несколько шагов – и туннель закончился, точнее – резко оборвался. Маша стояла в обрамлении стеклянных деревьев, словно в широком оконном проеме, залитом золотистыми лучами вечернего солнца. В этом месте стеклянный сад был огражден ажурной стеной из того же голубоватого стекла, и там, где стояла Маша, в этой стене был неширокий проход.

Впереди, прямо у нее под ногами, разверзлась глубокая пропасть, на дне которой змеилась узкая река, обрамленная нежно зеленеющими деревьями; лежащая среди них, как кривая турецкая сабля в драгоценных ножнах, вдалеке виднелась скала, на которой стоял старинный замок с башней, увенчанной короной зубцов. Дальше все терялось в золотистой дымке.

Маша почувствовала щемящую печаль. Ей захотелось оказаться в этой долине, пройти вдоль реки – но у нее не было крыльев, чтобы спуститься на дно пропасти...

Она вытянулась вперед, заглядывая в чудесную долину...

И вдруг откуда-то справа до нее донесся нежный хрустальный звон.

Маша повернула голову в сторону этого звука и увидела, что справа от пролома на стеклянной стене укреплена какая-то шкатулка. Она потянулась к ней, дотронулась до шкатулки рукой – и тут же перед ней возникла ажурная лестница, спускающаяся на дно долины...

И тут до Маши донесся взволнованный, испуганный голос:

– Что с тобой? Очнись! Да что с тобой происходит? Не бросай меня! Мне страшно!

Маша вздрогнула – и открыла глаза.

Она сидела на краю оконного проема. Под ногами у нее была не прекрасная весенняя долина, а пустой, заброшенный цех, а рядом с ней сидела Елена. Лицо ее было бледным от страха, она трясла Машу за плечи и повторяла:

– Ты же упадешь! Ты разобьешься! Не бросай меня! Не оставляй меня одну!

– Все в порядке! – проговорила Маша успокаивающим голосом. – Что ты так переполошилась?

– Я подумала, что ты потеряла сознание. – Елена перевела дыхание и порозовела. – У тебя было такое странное лицо... я представила, что останусь здесь одна...

– Не бойся, я с тобой!

Маша вспомнила свое видение, вытянулась вперед, насколько это было возможно, и посмотрела направо.

На стене справа от окна была закреплена проржавевшая металлическая коробка с квадратным стеклянным окошечком и красной надписью: *«Резервный пульт управления подъемником. Разбить стекло в случае необходимости».*

– Осторожно, не сорвись! – проговорила Елена.

Она смотрела вниз, и лицо ее снова стало бледнеть.

– Не смотри вниз, лучше помоги мне удержаться! – Маша взяла ее за руку, свесилась в пропасть и, обмотав руку платком, резко ударила по стеклу.

Оно расколосось, под ним оказались три кнопки, расположенные друг над другом.

Маша нажала на верхнюю.

Раздалось негромкое гудение, и вагончик подъемного устройства неторопливо пополз по рельсу под потолком, удаляясь от окна, где сидели беглянки.

Маша отпустила первую кнопку, нажала вторую.

Вагончик пополз в обратную сторону. Он подползал все ближе, и скоро дополз до самой стены. Прикрепленный к нему крюк на цепи раскачивался над головой Маши.

Тогда она отпустила вторую кнопку и нажала на третью, самую нижнюю.

Снова заработал мотор, но звук его изменился. Теперь цепь разматывалась, крюк опускался. Скоро он был прямо над головой у Маши и Елены, затем закачался перед ними.

Маша отпустила кнопку и ухватилась за крюк.

Она повернулась к Елене и проговорила:

– Хватайся за этот крюк, и я спущу тебя вниз. Оттуда легко выбраться наружу.

– Но я... я не смогу... – Елена расширенными от ужаса глазами смотрела на крюк, висящий, раскачиваясь, на опасной высоте над каменным полом.

– Я сорвусь...

– Ты хочешь увидеть дочь?

– Хо... хочу...

В глазах Елены все еще стоял непреодолимый ужас.

Чтобы отвлечь ее, Маша спросила:

– Кстати, с кем ты ее оставила? Ты же говорила, что тебе нельзя няню нанимать!

– Там... тетка приехала из моего города, мамина сестра. Единственная моя родственница, она болеет сильно, вот хотела обследоваться. Нашла меня ВКонтакте, просила хоть на несколько дней приютить, я и согласилась... Тут как раз пришло приглашение сюда, на это шоу. Я тетке велела никому дверь не открывать и никуда не выходить, она, знаешь, женщина твердая, раз обещала – сделает. Но волнуется небось, что я ночевать не пришла.

– Ты потому и связалась с конкурсом этим, что хотела от мужа независимой стать? – догадалась Маша.

– Да, видно, не в добрый час, – вздохнула Елена. – Ничего мне не надо, только бы дочку увидеть.

– Тогда возьми себя в руки и держись за крюк!

Елена глубоко вздохнула, схватилась за крюк обеими ру-

ками – но тут же отшатнулась:

– Нет... я не могу... ты же знаешь – я ужасно боюсь высоты... я сорвусь...

– Пстой, у меня есть идея! – Маша увидела, что талия Елены туго затянута кожаным ремешком, и скомандовала:

– Сними ремень!

Елена послушалась, расстегнула ремень и протянула его Маше.

Маша снова застегнула ремень, накинула его на крюк и велела Елене пропустить через него руки. Теперь она была надежно пристегнута к крюку и не сорвалась бы, даже если разжала руки.

– Держись! – приказала Маша.

– Но я не смогу...

И тут Маша столкнула ее с подоконника. Елена вскрикнула и закачалась над пропастью. Лицо ее снова залила бледность, глаза от ужаса закрылись. Маша потянулась к пульту и снова нажала на нижнюю кнопку.

Мотор заработал, цепь стала разматываться, и крюк с Еленой пополз вниз.

Через минуту Елена коснулась ногами пола и завертела головой, пытаясь понять, где она находится.

– Отстегнись от крюка! – крикнула ей Маша.

Она хотела поднять крюк и повторить операцию, чтобы самой спуститься.

Но Елена ее не слышала или не понимала. Она стояла по-

среди цеха в полной растерянности.

Маша решила действовать иначе, хотя это было труднее и опаснее. Она притянула к себе цепь, ухватилась за нее руками и ногами и полезла вниз, вспоминая школьные уроки физкультуры, на которых ей приходилось лазать по канату, опасаясь учителя физкультуры Анатолия Борисовича, который ругал ее последними словами... Впрочем, ругал он всех, это у него был такой педагогический метод.

Через две минуты она уже стояла рядом с Еленой.

У той был совершенно ошалелый вид.

– Ну все, самое трудное позади! – проговорила Маша, отстегивая ремень. – Еще немного, и мы будем на свободе...

– Ну вот и встретились! – раздался вдруг совсем близко насмешливый голос. – Ну и цирк вы здесь устроили!

Маша вздрогнула и обернулась.

В дверном проеме, выходящем на улицу, стоял человек в черном комбинезоне и маске-балаклаве с прорезями для глаз. В руке у него был большой десантный нож.

– Отбегайтесь, девочки! Финиш! – проговорил боец и вошел внутрь цеха.

«Неужели все было напрасно? – промелькнула в Машиной голове отчаянная мысль. – Неужели моя жизнь кончится здесь, в этом заброшенном цеху?»

Тут она увидела несчастное, опустошенное лицо Елены, вспомнила фотографии белокурой девочки...

Нет, она не сдастся!

Маша толкнула Елену на пол, а сама, зацепившись за железный крюк, бросилась прочь от боевика. Тот, повинувшись инстинкту природного охотника, перешагнул через Елену и побежал за Машей, чувствуя в ней более серьезного противника. Ну да, с этой-то тетехой он и после управится, а за той еще побегать надо.

Маша бежала по прямой. Тяжелый крюк замедлял ее шаги, и боевик с каждым шагом приближался.

Скосив глаза, Маша увидела злобный и торжествующий блеск его глаз в прорезях маски. Он даже не слишком то-ропился, растягивая удовольствие, поскольку видел, что бежать Маше некуда – впереди нее была глухая стена.

– Куда же ты, птичка? – прохрипел он насмешливо. – Подожди папочку... или ты хочешь со мной поиграть в кошки-мышки? Я тоже люблю такие игры...

– Значит, любишь играть? А как ты относишься к мышеловкам? – отозвалась Маша и вдруг отцепилась от крюка и упала на руки на каменный пол.

Тяжелый крюк, освободившись, полетел назад, как гигантский маятник, постепенно увеличивая скорость под действием накопленной потенциальной энергии. Боевик не успел осознать, что происходит, когда ржавый крюк всем своим весом ударил его в грудь и лицо. Боец изумленно ахнул и бездыханным полетел на каменный пол. Крюк еще продолжил движение, постепенно уменьшая скорость, потом полетел обратно, качнулся еще два или три раза и остано-

вился.

Маша поднялась на ноги, подошла к поверженному боевику.

Его лицо было разбито, тело залито кровью. Маша не стала проверять, дышит он или нет, ее это не интересовало.

Она обошла его, подошла к Елене. Та в ужасе смотрела на неподвижное окровавленное тело.

– Ну, все, надеюсь, больше сюрпризов не будет! Пойдем! Мы уже близко к выходу!

Маша взяла Елену за плечо, повела к дверному проему. Оглянувшись, она увидела, что окровавленное тело слабо пошевелилось. Не убило его цепью, значит. А жаль. Она вспомнила, как этот тип бежал за ней с десантным ножом, и в глазах его светилось предвкушаемое удовольствие, и поняла, что нисколько не переживает.

За дверным проемом перед ними открылась темная, пустынная улица, над ней нависло ночное небо в рваных, стремительно бегущих облаках. По сторонам улицы темнели корпуса заброшенных заводов. Маша узнала то место, до которого довез ее таксист. Казалось, это было очень давно, много дней назад, хотя на самом деле с тех пор прошло всего несколько часов.

Вдохнув полной грудью свежий ночной воздух, она приободрилась. Елена тоже ожила, лицо ее порозовело, в глазах появилось осмысленное выражение.

– Где-то здесь я оставила машину... – проговорила она,

оглядываясь по сторонам. – Кажется, вон там, в той стороне, там еще проехать можно было...

И тут совсем недалеко от них раздалась осторожные, крадущиеся шаги.

Маша инстинктивно попятилась, схватила Елену за руку и оттащила в темную нишу. Они слились со стеной и замерли, стараясь ничем себя не выдать.

Неужели их все же выследили?

Вот снова прозвучали шаги, треснула у кого-то под ногой доска. Из темноты выскользнула гибкая темная фигура.

Проводив взглядом уходящих девушек, Милена и Марина повернули назад, к своим комнатам. Однако они не прошли и десятка шагов, как из-за угла коридора появились три рослых широкоплечих человека в черных комбинезонах и черных же масках-балаклавах с узкими прорезями для глаз.

Увидев девушек, незнакомцы переглянулись, прибавили шаг и окружили их.

– Вы куда идете? – спросил один из бойцов.

В прорезях маски сверкнули темные глаза.

– Никуда, – торопливо ответила Милена. – Вышли пройтись, сейчас возвращаемся в свои комнаты...

– А вы вообще кто такие? – выступила вперед Марина. – Вы на этих... телевизионщиков работаете?

– На телевизионщиков, – подтвердил тот же боец, покосившись на своих спутников. – На кого же еще?

– Шеф же говорил, что они должны спать! – вступил в разговор второй спецназовец.

– Заткнись! Не болтай лишнего! – прикрикнул на него первый. – Помнишь инструкцию?

– Давай уже разберемся с ними... – второй боец положил руку на кобуру.

– Не рыпайся! – первый бросил на него злой взгляд.

– Что значит – разберемся? – испуганно проговорила Марина. – В каком смысле разберемся?

– Товарищ шутит! – протянул первый спецназовец.

– Какие-то у него странные шутки...

– Он вообще грубый человек. Лучше скажите, где остальные? Вы их не видели?

– Нет, не видели! – ответила Милена. – А Василий Андреевич в курсе? Он знает, что вы тут делаете?

– В курсе, в курсе! – даже в балаклаве было видно, что боец усмехнулся.

– Давай уже... – повторил второй боец. – Нам еще остальных искать... время только теряем...

В это время за спиной у бойцов появился человек с бородкой.

Увидев его, Милена оживилась:

– Василий Андреевич, тут какие-то люди... они говорят, что работают на вас...

– Все в порядке, – ответил тот и вдруг взглянул на Марину и произнес непонятное: – Десятка трэф!

Марина побледнела, широко открыла глаза, отступила к стене и вдруг метнулась вперед, подпрыгнула и в прыжке ударила ногой первого бойца. Удар пришелся в горло, боец покачнулся, захрипел, схватился за горло и упал.

Двое оставшихся бойцов шарахнулись в стороны, один вытащил из кобуры пистолет, в руке второго появился тяжелый десантный нож. Марина же, едва коснувшись ногами пола, снова подпрыгнула, выбросила вперед сложенные пальцы правой руки и резко ударила ими в переносицу бойца с пистолетом. Раздался отвратительный хруст, мужчина упал на колени, по лицу его потекла темная кровь.

Марина перевернулась в воздухе, оттолкнулась руками от пола и приземлилась за спиной последнего уцелевшего бойца, захватила локтем его шею и резко дернула. Шея треснула, боец изумленно охнул и бездыханным упал на пол.

И в то же мгновение прогремел выстрел.

В затылке Марины появилось круглое черное отверстие, она вскрикнула и упала на труп убитого бойца.

За спиной у нее стоял мужчина в таком же черном комбинезоне, как остальные боевики, но без маски. На вид ему было около сорока, седые волосы коротко острижены. В руке у него был дымящийся пистолет.

– Bravo! – проговорил он, повернувшись к Василию Андреевичу. – Впечатляет! Отличная демонстрация! Тебе действительно удалось доработать методику.

– Я же говорил! – Василий Андреевич окинул взглядом

грудю мертвых тел. – Эксперимент нельзя прерывать! Он подходит к концу. Мы столько в него вложили...

– Сколько можно повторять – это не тебе решать. Не нам с тобой. Я вижу, ты очень продвинулся, но решение уже принято. Мы должны его исполнить...

Он огляделся по сторонам и удивленно проговорил:

– Кстати, здесь ведь были две девушки.

– Действительно, две... – подтвердил Василий Андреевич.

– Куда же подевалась вторая?

Маша не успела испугаться, поскольку осознала, что темная фигура была слишком миниатюрна для боевика...

Маша вгляделась в приближающийся силуэт. Она увидела собранные в пучок волосы, белое пятно лица...

– Милена! – окликнула Маша вполголоса.

Темный силуэт замер. Блеснули глаза, и Милена отозвалась:

– Где вы?

– Здесь! – Маша вышла из темной ниши, подошла к Милене.

– Слава богу, вы живы! – та перевела дыхание.

– А что случилось с вами? И где Марина? Она все же решила остаться, а ты передумала?

– Все гораздо хуже, – ответила Милена, помрачнев. – Марина мертва... ее убили. Ты была права. Отсюда надо ухо-

дить. Убегать. Причем как можно быстрее.

– Убили? – ахнула Елена. – Не может быть... кому могло понадобиться ее убивать?

– Ты что, совсем дура? – разозлилась Маша. – Тебя саму тоже только что чуть не убили, забыла уже? Приди в себя наконец, прекрати квохтать! Соберись!

Елена сжалась от крика и отступила. Маше стало стыдно, как будто она обидела ребенка.

– Да, ты права... – Елена сжала голову руками. – И все равно, я никак не могу поверить, что все это настолько серьезно...

– Даже после всего, что ты видела своими глазами?

– Да, все равно это не укладывается у меня в голове! Я никак не могу поверить, что такое могло случиться со мной...

– Да поверь уж!

– Да, поверь, она права! – поддержала Машу Милена. – Надо как можно скорее отсюда уходить!

– Пойдемте, я оставила свою машину неподалеку... – Елена достала из кармана ключи.

– Моя ближе, – возразила Милена. – Она вон там, за этим углом. А сейчас каждая минута важна.

– Но я не могу бросить свою машину...

– Сейчас есть более важные цели, чем твоя машина! Нужно спасти свои жизни...

Они прошли вдоль корпуса, завернули за угол, и Милена остановилась, удивленно глядя перед собой.

– Где же она?

– Что случилось? – спросила Елена.

– Где твоя машина? – в один голос с ней проговорила Маша. – Ты говорила, что оставила ее здесь.

– Она... она пропала...

– Ты ее точно оставила здесь?

– Да точно, точно... вот как раз возле этой самой трещины в асфальте...

– Тут этих трещин столько... каждую не запомнишь! Ладно, не будем терять время, пойдем к твоей машине, – Маша повернулась к Елене. – Где ты ее оставила?

– Вон там, возле того кирпичного здания. Дальше я не поехала, побоялась разбить подвеску, уж больно дорога плохая.

– Ну, пошли...

– Подождите меня, девочки... – смущенно проговорила Милена. – Я буквально на минутку... мне вдруг очень понадобилось... я вас скоро догоню...

– Что, никак не дотерпишь?

– Я очень быстро! Вы и глазом не успеете моргнуть!

– Ладно, догонишь нас потом, мы пойдем к ее машине!

Милена кивнула и метнулась за угол.

Елена направилась было к кирпичному зданию, но Маша жестом остановила ее.

– Что такое?

– Тс-с! Подожди! – Маша прижала палец к губам и крадучись двинулась к углу, за которым скрылась Милена.

– Куда ты? Это неудобно...

– Она очень подозрительно себя ведет! – прошептала Маша и заглянула за угол.

Милена стояла в нескольких шагах от угла, прижав к уху мобильный телефон, и негромко разговаривала.

– Что происходит? Мы так не договаривались! Речь шла только о том, чтобы подслушивать их разговоры и передавать вам... вы не говорили, что дело может зайти так далеко! Сколько людей уже убито? Четверо? Пятеро? Нет, я вам не верю! Это не инсценировка! Не забывайте, я была там, я все видела! И куда исчезла моя машина? Что значит – вы ни при чем? А кто тогда?

Маша вышла из-за угла и направилась к Милене.

– Я что-то подобное подозревала! – проговорила она и вырвала у Милены телефон. – Значит, у всех остальных связи нет, а у тебя есть? Ну да, ты ничему не удивилась, и проснулась ты так легко! Тебе в молоко не подмешали снотворное?

– Отдай! – вскрикнула Милена и попыталась вернуть свой телефон, но Маша сунула его в карман и отскочила.

– Отдай, стерва! – Милена бросилась на Машу, сжав кулаки, но та отскочила и подставила Милене ногу. Та споткнулась и упала лицом на разбитый асфальт.

Маша наклонилась над ней и проговорила:

– Что здесь происходит? Что еще за эксперимент? На кого ты работала? Говори! – Она рывком перевернула Милену на спину. Стало видно, что лицо ее сильно разбито, кровь

текла из многочисленных ссадин. – Лучше скажи правду, – прошипела Маша, – не то еще больше морду попорчу. На кого работаешь?

– На... на Василия Андреевича... – прохрипела Милена. – Про эксперимент я ничего не знаю... он только велел мне слушать ваши разговоры и передавать ему... Сказал, что это входит в условия конкурса, сказал, что я заработаю больше баллов... что таким способом я получу преимущество...

– Ой, врешь! – не поверила Маша. – Тогда бы тебе в молоко тоже что-то подмешали!

– Ну да, – быстро согласилась Милена, – это никакой не конкурс, это эксперимент. Вас собрали и ввели препарат, который он изобрел, через молоко. А до того еще воздействовали светом какой-то особенной частоты. А потом он ночью что-то всем внушал, а я должна была наблюдать и фиксировать, а потом все ему передавать.

Она перевела дыхание, быстро взглянула на Машу.

– Это все?

– И еще... еще я должна была следить, чтобы все шло по плану, мало ли кто-то захочет уйти раньше времени... Он сказал, что, пока эксперимент не закончится, никого нельзя отпускать, это опасно...

– Да в чем дело-то там?

– Ты не представляешь... – тихо сказала Милена, – Марина, она... нас преследовали трое, и они хотели... в общем, они собирались нас убить, то есть я тогда думала, что это не

так...

– Не тяни! – рявкнула Маша. – Говори толком!

– Василий Андреевич вдруг сказал что-то непонятное, какую-то бессмысленную фразу... кажется «десятка трэф», и Марина... она вдруг из человека превратилась в робота. Хотя нет, робот не может так быстро двигаться... в общем, она их всех убила, представляешь? Трех опытных бойцов, причем без оружия, только ногами и руками, как в кино прямо! А потом там оказался еще один, без маски, голова седая, наверное, начальник, он выстрелил ей в затылок, и... и все. Конец. Пока они разбирались, я сбежала.

Тут послышался тревожный писк ее мобильного, Маша вытащила его и прочитала эсэмэску:

«Подходи к восточному входу, я вывезу тебя отсюда. В. А.»

– Он врёт, не ходи никуда, – сказала Маша, – поедem с нами. Ему сказали, что уничтожат всех, кроме него и Эльвиры.

– Вас тоже поймают, – ответила Милена, забирая телефон, Маша отдала его без сопротивления, звонить все равно по нему нельзя, эти тут же вычислят.

– Зря ты, – сказала она, уходя.

Маша вернулась туда, где оставила Елену. Та ждала ее, испуганно оглядываясь по сторонам.

– А где Милена? – проговорила она, увидев Машу.

– Мы разошлись. Она решила, что по отдельности у нас

больше шансов спастись, – Маша решила не рассказывать ничего про эксперимент, Елена и так едва жива от страха.

А вот интересно: получается, что Елена единственная, кто остался из испытуемых. Потому что Маша и Милена не в счет, на них внушение не подействовало.

Да, но про Машу Василий Андреевич не знает, он понятия не имеет, что Маша не спала и никакого внушения не получила. Хотя, тут же сообразила Маша, эта предательница Милена уж непременно ему все расскажет, выслужиться захочет.

– Да? – Елена покосилась на Машу. – Но ты не уйдешь? Ты не бросишь меня? Я так боюсь...

– Ладно, кончай разговоры, пошли, где твоя машина?

Они в молчании прошли несколько минут, обошли кирпичный корпус и увидели новенькую темно-красную машину.

– Вот она! – при виде своей машины Елена расцвела, как при встрече с любимым существом.

Нажала кнопку на брелоке с ключами, машина мигнула фарами, и дверь послушно распахнулась. Елена села за руль, Маша устроилась рядом, и машина тронулась.

– Вот о чем я думаю... – проговорила Маша, когда они выехали из промзоны на широкую, ярко освещенную улицу. – Почему твою машину не тронули?

– Что? – удивленно скосилась на нее Елена. – О чем ты? Что ты хочешь сказать?

– Машина Милены пропала, а твоя осталась на прежнем месте. Как ты думаешь, почему?

– А... я думаю, потому что я ее поставила дальше. Знаешь, как говорят: «Подальше положишь, поближе возьмешь...»

Маше это напомнило свекровь с ее поговорками. Она недовольно взглянула на Елену.

– Ерунда. Это бы вряд ли им помешало.

– Ну, тогда не знаю... еще может быть, потому, что она оформлена не на меня.

– Не на тебя?

– Ну да, машина оформлена на бывшего мужа, а я езжу по доверенности.

– Вот как? Ах, ну да, ты же говорила, что у тебя своего ничего нет, живешь как бомж...

– Не издевайся, – вздохнула Елена, – сама знаю, что я бесхребетная, безвольная, все об меня ноги вытирают, но уж такая уродилась. Всего боюсь, как начинают на меня голос повышать – сразу теряюсь, ничего не соображаю...

– Бороться с собой надо!

– Если бы ты моего бывшего мужа видела, ты бы так не говорила... – Елена в который раз тяжело вздохнула. – И вышла-то за него от полной безысходности, всего и знакомы были чуть больше месяца. Он вдруг и говорит ни с того ни с сего: «Выходи за меня», я так растерялась да и согласилась. Какая, думаю, у меня тут жизнь будет, если не соглашусь?

Ни работы, ни квартиры, ни денег. Ты не думай, я не то чтобы продалась ему, просто смотрю – человек решительный, все у него по струнке ходят, сам себе хозяин... я у себя такой жизни и не представляла. И честно тебе скажу, все делала, чтобы ему угодить. Не спорила, не обижалась, когда он вечером явится злой как черт, понимала, что у него бизнес, свои проблемы. А моя задача – ребенок, и чтобы все тихо было. Кстати, он к дочке совершенно равнодушен был, только морщился, на нее глядя, убери, говорил, крикуна этого, не выношу детского визга. Ну, я и старалась, чтобы он поменьше ее видел. Оттого я так испугалась, когда он пообещал дочку у меня отобрать. У себя он ее точно не оставит, не нужна она ему, отправит в какой-нибудь приют, так что я ее никогда не найду.

– Ужас какой... – невольно сказала Маша.

У нее-то случай не тот, если с ней что случится, свекровь Антошку ни за что не бросит, это уж точно, привязана она к внуку, хоть и по-своему. Вряд ли воспитает его приличным человеком, учится он так себе, на троечки, ничем особенно не интересуется, а как Маша пыталась строгость проявить насчет занятий, так такого наслушалась, свекровь ее чуть не побила.

Мужу вообще все равно, это, говорит, ваше бабское дело – с ребенком возиться. Можно подумать, у него дел невпроворот, ага, после работы поесть да на диван перед телевизором с пивом завалиться. Лопнет скоро от пива этого!

Маша по привычке пыталась подавить раздражение, но вдруг поняла, что его нет. Ну да, ей совершенно все равно, сколько там муж этого пива выпьет, и вообще, все равно, что с ним дальше будет. Сейчас не время об этом думать.

Внезапно она осознала, что к той, прошлой, жизни нет больше возврата. И не потому, что она находится в смертельной опасности и может вообще эту жизнь потерять, хотя такой поворот событий вполне может иметь место. Даже если все каким-то чудом обойдется, той жизни больше не будет.

– Что молчишь? – Елена посмотрела искоса. – Вижу, что у тебя тоже не все хорошо.

– Да уж... знаешь... – Она хотела рассказать Елене, что попала в этот эксперимент обманом, просто прихватила чужое приглашение, но в последний момент осторожность взяла верх.

– Ничего, – вместо этого сказала она, – мы все преодолеем, главное – держаться вместе.

– У меня тут подруг не было, – помолчав, сказала Елена, – пока замужем была, только общалась с мамочками на прогулке, муж строго сказал, чтобы никого домой не водила. А у него, если праздник какой в ресторане, то одни мужчины, с женами не принято.

– Все ясно, девочек заказывали...

– Да не знаю, – вяло ответила Елена, – мне как-то все равно было... Насчет секса у нас с ним как-то не очень... он ничего особенного не требовал, тронет меня если раз в две

недели, то и хорошо. А я, честно сказать, лежу и думаю, скорей бы все закончилось, вымыться, да и спать уйти. Я в дочкиной комнате спала, чтобы ему не мешать.

– Ну и ну! – хмыкнула Маша и тут осознала, что и ей-то похвастаться нечем, у них с мужем все было так же скучно. Никакой страсти, никакой нежности, и бес ее попутал замуж за него выйти! Ах да, из-за Антошки...

Первое время эта мысль ее утешала, примиряла с такой жизнью. А потом, когда поняла, что сын не ее, что не нужна она ему, чужая, так хоть в петлю лезь. Оттого и ввязалась в эту авантюру. Не знала, что тут так все запущено, что они теперь с Еленой в смертельной опасности.

«А если бы знала, – сказала себе Маша, – то все равно бы пошла. Вот так вот».

За разговором они доехали довольно быстро.

– Ну, вот он, мой дом! – проговорила Елена, показав на красивое здание, огороженное невысоким ажурным забором. – Спасибо, что поддержала меня.

Она теперь выглядела не такой испуганной – видимо, ее успокоил разговор или близость своего дома.

– Если хочешь, – продолжила Елена, – можешь у меня переночевать. Или я вызову тебе такси...

Она свернула на подъездную дорогу.

– Подожди-ка... – Маша схватила ее за руку.

– Что такое? – в голосе Елены снова зазвучал страх, она

резко затормозила.

– Видишь, вон там, у шлагбаума, стоит темная машина?

– Ну да... кто-то ее оставил на ночь...

– Не так все просто. Посмотри внимательно!

Было слишком темно, чтобы разглядеть, что или кто находится внутри подозрительной машины.

– Я ничего не вижу... – начала говорить Елена – но как раз тут она увидела.

Внутри темной машины на мгновение вспыхнул бледный огонек – должно быть, чиркнули зажигалкой, чтобы прикурить сигарету. И при этом огоньке Елена успела разглядеть два темных силуэта.

– Да, я кого-то видела! – на этот раз Елена перешла на шепот.

– Да, они тебя уже ждут.

– Меня? – испуганно пролепетала Елена.

– Ну да, а кого еще? Это ведь твой дом. Очевидно, они узнали, где ты живешь.

– Но как? Ведь мы в том конкурсе выступали под никами! Они никак не могли...

– Ой, я тебя умоляю! – отмахнулась Маша. – Хорошему специалисту ничего не стоит выяснить все данные по ай-пи-адресу!

Сама она сообразила, что про нее-то эти люди ничего не знают, она пришла на конкурс по чужому приглашению. Как говорит свекровь: «Нет худа без добра!»

Дверца черной машины открылась, из нее вышли два человека в одинаковых черных куртках. Они миновали шлагбаум, подошли к подъезду, остановились возле него, переглянулись.

– Какие идеи? – проговорил один из них, тот, что повыше.

– Позвоним консьержке, скажем, что полиция, она откроет.

– А если не откроет? Если она настоящую полицию вызовет?

– Если, если! Что же, так и будем здесь до утра ошиваться? Нас шеф по головке не погладит!

– Подожди-ка, смотри, кажется, кто-то едет... может, не придется звонить...

Действительно, к дому подъехало такси. Шлагбаум поднялся, машина въехала на дорожку, остановилась неподалеку от подъезда. Из машины, покачиваясь, вышел мужчина лет сорока, расплатился с водителем и направился к двери.

Двое людей в черном прижались к стене, слившись с темнотой. Впрочем, гуляка не заметил бы сейчас и Дженнифер Лопес или Монику Белуччи в бикини.

Такси уехало. Подвыпивший пассажир вытащил из кармана ключи, уронил их, выругался, с трудом поднял и прижал электронную таблетку к панели домофона.

Дверь открылась далеко не с первого раза. Пьяненький жилец протиснулся в открывшийся проем, едва не шлепнув-

шись на пол. Когда дверь почти захлопнулась за ним, из темноты выскользнул один из напарников, в последний момент схватил ручку двери и придержал, не дав ей закрыться.

Шаги пьяного жильца удалились, прошумел лифт, и снова наступила глубокая тишина.

Двое в черном проскользнули внутрь подъезда.

Вызывать лифт они не стали, чтобы не поднимать шум, поднялись пешком на пятый этаж, подошли к нужной двери.

– Дверь железная, – тоскливо проговорил тот, что повыше. – И замки хорошие...

– А ты как думал? – покосился на него напарник. – Дом-то видел какой? В таком доме фанерных дверей не бывает.

– И что же делать?

– Звонить! – И толстый палец решительно надавил на кнопку дверного звонка.

Довольно долго ничего не происходило – наверняка обитатели квартиры крепко спали.

Мужчина снова позвонил, сделал паузу и позвонил еще и еще раз.

Наконец за дверью послышались шаркающие шаги, и зашпанный женский голос проговорил:

– Кто здесь? Лена, это ты?

Мужчины замерли – вдруг им повезет, и женщина, не дождавшись ответа, откроет дверь.

Однако этого не случилось. Женщина за дверью была достаточно осторожна, да и кто в наше время открывает дверь

незнакомым людям, да еще ночью?

Женщина снова спросила:

– Кто здесь? Отвечайте, а то я вызову полицию!

– Так мы и есть полиция! – отозвался мужчина в черном – тот, что пониже. – Откройте, пожалуйста! – Он совершенно правильно определил по неуверенному голосу, что полицию вызывать женщина не станет.

– А что вам нужно? – отозвалась женщина из-за двери. – Я тут не хозяйка, мне не велено никому открывать!

– Мы вам должны кое-что сообщить, – проговорил мужчина, – откройте, пожалуйста. Разговор конфиденциальный, мы не хотим через дверь разговаривать.

– Какой? – переспросила женщина.

– Секретный!

– Какие еще секреты?

– Вот как раз насчет хозяйки этой квартиры...

– А что с ней случилось? – На этот раз в голосе женщины зазвучало беспокойство, скрипнул замок.

Казалось, еще мгновение, и дверь откроется.

Мужчины в черном переглянулись, и тот, что повыше, строго проговорил:

– Откройте, не через дверь же это рассказывать!

– А почему не через дверь? – Голос снова стал подозрительным. – Не открою!

– Кто тебя за язык тянул? – прошипел тот, что ниже. – Она уже почти открыла!

– Чертова старуха! – отозвался тот мужчина, что повыше. – Ломать дверь нужно!

– Черта с два ты ее сломаешь! Вон какая сталь! И весь дом перебудишь! Да у нас и инструментов никаких нет!

– Так что с Еленой? – снова раздался голос из-за двери.

– В больницу она попала! – оживился высокий. – Ей документы срочно привезти нужно!

– В больни-ицу? – протянула женщина. – А полиция тут при чем, если в больницу?

Мужчины переглянулись.

– Все-таки придется ломать! – прошипел высокий.

– Ага, сейчас, – с досадой ответил его напарник, – эта тетка подозрительная такой вой поднимет. Да и нет там нашей девки, нужно ее возле подъезда караулить.

В это время с нижнего этажа донесся истошный женский голос:

– Это что же творится? Это что же происходит? Они меня заливают посреди ночи! У меня ремонт дорогуций – и все насмарку! Плитка итальянская отваливается, обои пузырями пошли, паркет разбух! Сей же час вызываю полицию, пожарных и МЧС! И заодно частное охранное предприятие, где мой супруг работает!

Мужчины в черном переглянулись, метнулись к лестнице и, не глядя по сторонам, ссыпались по ней на первый этаж, пулей вылетели из подъезда, добежали до своей машины и умчались в неизвестном направлении.

Маша, которая стояла в темной нише ниже этажом, проводив их взглядом, тоже спустилась и вышла из дома, пока не проснулись соседи, разбуженные ее криком.

Черная машина проехала несколько кварталов, и вдруг водитель – тот, что повыше, – сбросил скорость и прислушался.

– Ты чего? – спросил его напарник – тот, что пониже.

– Стучит что-то, – ответил тот озабоченно. – Вот, слышишь? Снова застучало...

– Ну, стучит, и пусть стучит! У нас еще дел полно! Некогда с каким-то стуком разбираться!

– Тебе хорошо – это не твоя машина. А если в моторе какая-то неисправность? Если он в самый неподходящий момент заглохнет? Ты первый на меня накатишь!

Водитель подъехал к тротуару, остановил машину и заглушил мотор.

– Все равно стучит! – проговорил он удивленно.

– Да, теперь и я слышу, – подтвердил его напарник. – Правда, что-то стучит... да еще как громко!

И тут лицо водителя посветлело.

– Да я же знаю, что это стучит! – проговорил он довольным голосом. – Мотор ни при чем, мотор в порядке! Это та девка в багажнике очнулась и стучит!

– Нужно ее утихомирить! – заволновался второй боевик – тот, что пониже. – Нужно утихомирить – а то, не дай бог,

еще кто-нибудь услышит...

– Да кто тут услышит-то! – долговязый внимательно оглядел пустынную улицу.

– Не скажи, всякое может случиться! Лучше подстраховаться, чтобы потом не было мучительно больно!

Напарники вышли из машины, обошли ее и остановились возле заднего бампера. Из багажника доносились ритмичные удары, перемежающиеся невнятным мычанием.

Водитель – тот, что повыше, – открыл крышку.

В багажнике лежала связанная по рукам и ногам женщина с заклеенным скотчем ртом. Под левым глазом у нее был синяк, все лицо измазано помадой и тушью, из носа стекала струйка засохшей крови, волосы превратились в воронье гнездо после урагана с красивым женским именем, так что сейчас в ней трудно было узнать аккуратную и ухоженную Милену.

– Ты че тут скандалишь? – раздраженно проговорил водитель. – Ты че тут шумишь? Ты че тут нарываешься?

Милена громко замычала и попыталась пнуть долговязого бойца связанными ногами.

– Ты что творишь? – прошипел тот, отступив. – Ты что себе позволяешь? Да я же тебя сейчас...

Он потянулся за монтировкой, которая лежала тут же, в багажнике, но тут его напарник – тот, что пониже, – придержал его руку.

– Обожди, у меня мысль появилась!

– Да что ты? – долговязый взглянул на напарника недоверчиво. – У тебя – и мысль? Это что-то новое!

– Ты смотри, не нарывайся! – огрызнулся напарник. – Лучше послушай. У нас с той, с Еленой, ничего не получилось, так?

– Так... – вздохнул долговязый.

– А почему?

– Потому что какая-то зараза ниже этажом шум подняла и весь дом перебудила...

– Нет, тут ты не прав. Надо смотреть в корень. У нас ничего не получилось, потому что мы не смогли дверь потихому открыть. А почему не смогли?

– Потому что дверь железная и замки хорошие...

– И опять ты не прав. Не из-за двери и замков, а из-за того, что мы ту тетку в квартире не смогли уболтать. А тетку мы не смогли уболтать, потому что голоса у нас мужские...

– А какие же еще у нас могут быть? Что это ты пургу несешь, я тебя не понимаю! Само собой, у нас голоса мужские, поскольку мы и есть мужчины! Или я не прав?!

– У нас голоса мужские, с этим ничего, конечно, не поделаешь. А вот у нее, – он ткнул пальцем в сторону Милены, – а вот у нее голос женский. Так вот какая у меня мысль: нужно ее с собой взять, чтобы она с той бабой, к которой мы сейчас едем, через дверь поговорила. Тогда она дверь откроет, и мы все сделаем без шума и геморроя...

– А что, это и правда мысль! – оживился долговязый, с

некоторым сожалением взглянув на монтировку.

Немного подумав, он добавил:

– А если она не согласится?

– Она согласится, – усмехнулся его напарник. – Согласится, если ее правильно уговаривать!

– Правильно – это как?

– А вот смотри. Смотри и учись.

Он наклонился над Миленой и проговорил мягким, почти ласковым голосом:

– Ты слышала, о чем мы сейчас говорили?

Милена кивнула.

– Так вот, теперь еще послушай. Я тебя сейчас развяжу и пересажу в салон. В салоне тебе всяко будет лучше, чем в багажнике, так?

Милена снова кивнула.

– Потом мы приедем к той, последней бабе, и ты ее через дверь уговоришь, чтобы она открыла. Это понятно?

Милена энергично закивала.

– Хорошо, что понятно. Только теперь уясни еще кое-что. Если ты думаешь, что ты такая умная, если ты думаешь, что ты нас обманешь, если ты думаешь, что сбежишь, или поднимешь шум, или еще что, – так вот заранее запомни: как только ты что-то попробуешь сделать не по плану – я тебя... что? Думаешь, убью? Так вот, ни фиги подобного. Я тебя убивать не буду, я тебе в ту же секунду рожу так исполосую, что собственная кошка тебя не узнает!

С этими словами бандит вытащил из кармана складной нож, выпустил щелчком его лезвие и поднес к щеке Милены. Кончик ножа заскользил по коже, выписывая на нем какой-то вензель. Милена задрожала мелкой дрожью.

– Поняла? – процедил бандит.

Милена часто-часто закивала.

– Вижу, что поняла! – Он тем же ножом перерезал веревки на руках и ногах Милены, а потом срезал скотч.

Милена вздрогнула от боли, но не издала ни звука. Бандит выдернул ее из багажника, пересадил на заднее сиденье машины и сел рядом, поигрывая ножом. Потом бросил своему долговязому напарнику:

– А вот теперь поехали! Надеюсь, ты не забыл адрес той, последней, девки?

Алина проснулась от жуткого воя. Подняв голову, она проговорила заспанным возмущенным голосом:

– Джерри, скотина, прекрати сейчас же!

Джерри не прекратил – напротив, он завыл еще громче, как будто кто-то подкрутил у него внутри мощность.

Тогда Алина потрясла Олега:

– Олежек, проснись! Джерри что-то сожрал и теперь требует, чтобы его вывели на прогулку!

Олег ответил каким-то неразборчивым, но, несомненно, нецензурным выражением.

Ну да, понятно, он накануне столько выпил, что сейчас

его не добудишься...

Однако Алина попыталась еще раз, соединив метод кнута и пряника. Она ущипнула своего спутника жизни за жирный бок, а когда он вскрикнул и открыл глаза, быстро проговорила:

– Олежек, лапушка, Джерри что-то сожрал и теперь хочет гулять. Выведи его, всего на пять минут! А я тебя за это поцелую...

Олег взглянул на нее с выражением вполне осмысленной злобы и прохрипел:

– Сама его вчера вывела без намордника – вот он и сожрал какую-то гадость. Так что сама с ним теперь и гуляй...

– Но ты же знаешь, Олежек, что мне одной на него намордник не надеть!

– Кстати, и поцеловать его можешь, – добавил Олег, – а меня от твоих поцелуев стошнит!

Выдав эту тираду, он повалился на спину и мгновенно заснул, так что к вою Джерри присоединился мощный храп.

А Джерри завыл еще громче.

Ничего не поделаешь. Если его сейчас не вывести – он, во-первых, перебудит всех соседей, а во-вторых, из вредности нагадит в квартире, а ей потом придется убирать...

Алина со стоном сползла с кровати, напялила кое-какую одежду, прицепила к ошейнику поводок и поплелась на прогулку. Надевать намордник не стала и пытаться и дверь просто захлопнула – чего возиться, если через десять минут вер-

нется...

На этот раз темная машина подъехала к самому дому – никакой ограды вокруг него не было, не говоря уже о шлагбауме.

Люди в черном вышли из машины, вывели Милену.

Тот, что пониже, демонстративно помахал перед ее лицом ножом.

– Помнишь, о чем мы с тобой договорились?

Милену энергично кивнула, хотя рот у нее больше не был заклеен скотчем.

Троица подошла к двери подъезда.

На двери был домофон, но тот бандит, что пониже, ничуть не расстроился. Он потыкал пальцами во все кнопки подряд, и через несколько секунд из динамика донеслись недовольные голоса:

– Кого черти принесли среди ночи?

– Прекратите хулиганить!

– Это ты, что ли?

– Я, я! – ответил бандит.

Замок щелкнул, и дверь открылась.

Напарники втолкнули Милену внутрь, вошли следом за ней, как и прежде, поднялись по лестнице, чтобы не поднимать шум, остановились перед нужной дверью.

– Ну что? – долговязый покосился на Милену. – Как ты с ней договаривался?

– А ведь она нам даже не понадобится! – жизнерадостно проговорил его невысокий напарник. – Ты только посмотри на эту дверь!

– А чего на нее смотреть? Дверь как дверь! Что я, дверей никогда не видал?

– Да эту дверь ребенок запросто откроет!

Боец достал из кармана бумажник, вытащил из него пластиковую карточку, вставил в щель между дверью и косяком и провел снизу вверх. Язычок замка отжался, и дверь открылась.

– Ну, до чего же некоторые люди легкомысленные! – проговорил он, открывая дверь.

– Так это, выходит, мы ее зря с собой тащили? – протянул второй, задумчиво взглянув на Милену.

– Зря не зря, теперь все равно уже ничего не поделаешь. Не тащить же ее обратно. Давай уже с последней девкой разберемся... как ее... с Алиной.

Милена опустила глаза, чтобы эти двое уродов не заметили, как они блеснули.

Ага, последняя девка, как же! С той, Еленой-то, у них полный облом вышел. И что-то ей подсказывает, что не обошлось тут без той, второй. Уж больно она шустрая попалась, сумела избежать внушения. А она, Милена, тогда и не заметила, что та молоко не выпила. Это ее прокол, что и говорить.

Хотя теперь это даже хорошо, теперь-то она гаду Василию Андреевичу ничем не обязана. Кто он, если не гад послед-

ний? Подставил ее, сдал этим бандитам.

Она тоже хороша, говорили ей – не ходи, убьет, не нужна ты ему. Нет, поверила, что он ее выведет, приперлась к восточному выходу. Еще помедлила, понаблюдала, смотрит – идет Эльвира, ну, она и успокоилась. А что оказалось? Подошла Милена, спрашивает, что происходит, отчего все не по плану пошло?

Отчего же, Эльвира говорит, все по плану, так и было задумано.

И – раз! – Милене баллончик в лицо!

В глазах мигом все потемнело, и больше Милена ничего не помнит. Очнулась, когда над ней крышка багажника хлопнула. И разговаривают двое, тот мужик седой, который Марину убил, и один из этих уродов. Вывезите, говорит, ее за город подальше, да там и... Тот кочевряжиться начал – мол, по городу с трупом в багажнике, а с живой еще хуже... Нужно, говорит, ее к тем приплюсовать, одним трупом больше, одним меньше...

Тут седой заорал на него, чтобы не умничал. Теми, говорит, уже занимаются, а эту тащить через всю промзону – себе дороже. Тут где-то сторож имеется, опять же «Скорая» подъедет к одному из наших, которого цепью та девка едва не убила.

Испугалась Милена жутко, а потом сообразила, что в городе убивать ее эти двое не станут, шума побоятся. А вот когда один грозился лицо порезать, то не врал, это они мо-

гут. Но она не собирается покорно ждать своей участи, раз уж из багажника выпустили, то нужно делать ноги. Причем как можно быстрее.

Долговязый открыл первую дверь, заглянул в нее. По светящемуся табло микроволновой печи и сонному урчанию холодильника понял, что попал на кухню, и втянул голову обратно. Толкнул вторую дверь – и догадался, что это – ванная комната.

Он шагнул к третьей двери – и тут заметил, что Милена, воспользовавшись тем, что про нее на время забыли, прокрадась к входной двери и уже пытается выскользнуть из квартиры.

– Куда? – бандит в один огромный шаг нагнал ее, схватил за шею и поднес нож к лицу:

– Забыла, что я тебе обещал?

– Не... не забыла... – пролепетала Милена, вжав голову в плечи. – Пожалуйста, не надо!

– Ладно, – прошипел бандит, – на первый раз прощаю! Помни мою доброту!

На самом деле доброта была ни при чем: он представил себе, какой визг поднимет Милена, если он приведет в исполнение свою угрозу. Явно перебудит всех обитателей квартиры, да и всех соседей заодно. И снова сорвет операцию.

Он снова открыл дверь ванной, втолкнул туда Милену и страшным шепотом пообещал:

– Только пикнешь – всю морду располосую!

Закрыв дверь ванной, он заклинил ее стулом и вернулся к третьей двери. Дернув на себя эту дверь, он услышал доносящийся из темноты богатырский храп.

– Джерри, паршивец, давай уже, делай свои дела, и пойдем домой! – недовольно проговорила Алина.

Джерри сделал вид, что не услышал ее. Он обнюхивал очередную угол – видимо, до него здесь побывала какая-то знакомая собака, и теперь он читал оставленное ею послание.

Алина тяжело вздохнула.

Какая все же свинья Олег! Даже его собственную собаку приходится выгуливать ей! Вообще из плюсов у него только собственная квартира, а в остальном – одни минусы. Грубый, неопрятный, скандальный, денег у него вечно не допросишься. И не позволил ей пойти на тот конкурс... а ведь это был ее большой шанс! У нее могла начаться новая жизнь! Она могла стать богатой и знаменитой...

Алина представила себе свет софитов, вспышки фотоаппаратов, роскошные приемы, вечерние платья от лучших модельеров, сверкание хрусталя и бриллиантов... и официант в дорогом ресторане почтительно подвигает стул, и продавщицы в бутиках буквально стелятся перед ней, и шофер в форме открывает дверцу лимузина... у нее могло быть все это и гораздо больше! А вместо этого она должна посреди ночи выгуливать этого наглого жирного пса... такого же наг-

лого, как его хозяин!

Она дернула за поводок и раздраженно проговорила:

– Все, мне это надоело! Пошли домой! Немедленно!

Джерри почувствовал перемену в ее голосе – а может быть, просто нагулялся – и послушно потрусил к дому.

Приближаясь к подъезду, он все же стал тормозить, плестись нога за ногу и даже попытался пройти мимо подъезда, сделав вид, что забыл, где они живут, так что Алина с трудом затащила его, вцепившись в ошейник.

– Гадский пес! – вполголоса ругалась она. – И за что мне такое наказание среди ночи?

Джерри даже не огрызнулся, он понимал, что насчет ночного гуляния перегнул палку.

Услышав доносящийся из темноты мощный храп, напарники переглянулись.

– Это мужик! – прошептал долговязый.

– Ну да, мужик! А ты что думал – она одна живет?

– Вообще-то да! А что с мужиком делать? Нам про него ничего не говорили!

– Ну, значит, шарахнем по голове, чтобы не вмешивался, и сделаем свое дело...

В это время храп резко оборвался, и сонный мужской голос проговорил:

– Алинка, ты чего там возишься? Ты чего спать мешаешь? Ложись уже... мне утром вставать рано!

Один из бандитов – тот, что повыше – нашарил на стене у двери выключатель и включил свет. Трое мужчин удивленно уставились друг на друга.

Олег, временный спутник Алины, тупо разглядывал двух незнакомых мужчин, стоящих на пороге его спальни, пытаюсь одновременно и безуспешно найти ответы на три вопроса – кто они такие, что делают в его спальне и как они в ней оказались. Те тоже смотрели на него с удивлением – их удивило не столько его присутствие, сколько отсутствие в кровати самой Алины.

– А где Алина? – проговорил наконец тот из ночных гостей, что повыше.

«Совсем Алинка оборзела! – промелькнула в голове Олега злая мысль. – Посреди ночи мужиков пригласила! Завтра же выгоню ее к чертям собачьим! Выгоню, а потом поколочу... нет, так не получится. Сперва поколочу, а потом выгоню!»

Однако, разглядев незнакомцев, увидев их решительные и мрачные физиономии, он подумал, что это вряд ли дружеский визит. И в голове у него промелькнула следующая злая мысль:

«Совсем Алинка озверела! Не иначе, в какой-то криминал влипла! Как бы мне заодно не перепало! Завтра точно ее выгоню! Только сперва, конечно, поколочу...»

Тут, правда, в голове его промелькнула еще одна мысль, крайне неприятная – для того, чтобы выгнать Алинку, пред-

варительно ее поколотив, сперва нужно самому уцелеть. А это может оказаться непросто, учитывая серьезную внешность незнакомцев.

Он скатился с кровати, вскочил на ноги, отбежал к платяному шкафу и оглядел комнату, пытаясь найти какой-то выход. Впрочем, он и так знал, что единственный выход из этой комнаты – он же вход – та самая дверь, через которую вошли незваные ночные гости.

Тем временем один из незнакомцев двинулся к нему, второй тоже отступил в сторону, так что путь отступления на какой-то момент оказался открыт. Олег пригнулся и бросился на дверь, как разъяренный бык на тореадора.

Он уже был близок к двери, но тот незнакомец, который был ближе к нему, успел подставить ногу, и Олег с разгона влетел головой в дверную притолоку. В голове у него зазвонили колокола, ноги подогнулись, и он осел на ковер. Незнакомец тут же снова поднял его на ноги, встряхнул и спросил грозным голосом:

– Я тебя еще раз спрашиваю – где Алина? И имей в виду – третий раз спрашивать не буду!

Перед глазами Олега все расплывалось и двоилось. Ему казалось, что в его спальне оказались сразу четыре злобных незнакомца. Это было чересчур для его измученной похмельем нервной системы.

– В третий раз спрашивать не буду! – прорычали двое из четырех.

– Она... она гуляет с Джерри!

– С кем? – незнакомцы переглянулись.

Оставшись в ванной комнате, Милена задумалась о том, что ее ждет. По всему выходило, что не ждет ее ничего хорошего. Сейчас эти два злобных кретина разделяются с Алиной, а потом... потом и до нее дойдет очередь. Вряд ли они оставят ее в живых – слишком много она видела, слишком много знает. Тем более что у них приказ – отвезти ее подальше от города, а там уж...

Что же она – так и будет, как овца, дожидаться, когда с ней покончат? Нужно бороться!

Из-за двери донеслись приглушенные голоса и звуки ударов. Судя по всему, боевикам сейчас не до нее, они разбираются с обитателями квартиры – значит, нужно этим воспользоваться... другой возможности может не быть...

Для начала она подергала дверь – но тут же убедилась, что она заперта снаружи. Странно, задвижка внутри... значит, они ее чем-то заклинили. Ну, значит, нужно придумать что-то другое...

Милена машинально повернула задвижку со своей стороны, оглядела ванную комнату – и увидела на полу пушистый коврик.

Скатав этот коврик, она положила его в раковину и открыла кран на максимум. Затем перебросила душевой шланг с насадкой через край ванны и тоже пустила сильную струю.

Вода хлестала на пол, лужа на кафеле на глазах разрасталась... через минуту-другую вода найдет дорогу в перекрытиях между этажами...

Милена ощутила, что ноги промокли, и обрадовалась – долго ждать не придется.

Вероника Глухарева проснулась посреди ночи от каких-то странных звуков, доносящихся из верхней квартиры.

«Вот козел! – привычно подумала Вероника. – Опять со своей бабенкой скандалит! Надо с ним серьезно поговорить!»

Правда, если с ним действительно серьезно поговорить – потом у нее могут возникнуть такие же серьезные неприятности, а ей сейчас неприятности не нужны. У нее очень важный год, Максим Максимович сказал, что она должна сделать решающий шаг в своей карьере, иначе будет поздно...

Раз уж проснулась, Вероника встала и дошла до туалета.

И тут она увидела, что с потолка капает, по стенам стекают струи воды, и на полу уже образовалась приличная лужа.

Это уже перебор.

Шум посреди ночи она еще готова была терпеть, но то, что он залил ее красивую, недавно отремонтированную квартиру, переходило всякие границы.

Вероника забыла о возможных неприятностях, забыла о своей карьере, забыла о словах Максима Максимовича, выскочила из ванной и, как была, в пижаме, бросилась на лест-

ницу.

– Она с Джерри гуляет! – повторил Олег, пытаясь справиться с головокружением.

– Ты что, мужик, хочешь сказать, что Алина от тебя гуляет – а тебе на это плевать?

– Да не в том смысле гуляет! – из последних сил возмутился Олег. – Она его вы... выгуливает!

– Собачку, что ли? – догадался долговязый незнакомец, грозно уставясь на него.

– Со... собачку... – и Олег наконец отключился.

В это время из коридора донесся грохот, затем – стремительно приближающиеся шаги.

Дверь спальни распахнулась, и на пороге возникла невысокая хрупкая девушка в розовой пижаме с изображением котенка, играющего с собственным хвостом. Правда, лицо девушки плохо сочеталось с гламурной пижамкой и миниатюрной фигуркой. Лицо было красным от гнева, глаза ее метали молнии.

– Ты, ка-азел! – выпалила она, быстро найдя взглядом Олега. – Я сколько раз тебе говорила, что, если ты еще что-нибудь устроишь, я тебе ноги оторву?

– Это не она, – проговорил долговязый, разглядев девицу в пижаме. – Это не Алина!

– Как – не она? – недоверчиво переспросил второй – тот, что пониже. Он уже пересек комнату и попытался схватить

девушку за плечо, но это у него категорически не получилось.

Каким-то непонятным способом он отлетел в сторону и грохнулся на пол, при этом кости у него захрустели, а комната закружилась, как будто он катался на карусели.

– Что за черт? – Он вскочил, подбежал к девушке и попытался...

Он и сам не успел понять, что попытался сделать, потому что из этого снова ничего не вышло. Но на этот раз незадачливый боевик хотя бы успел осознать, что с ним произошло.

Хрупкое создание в розовой пижамке ухватило его за запястье, перекинуло через плечо, как будто он был легкой тряпичной куклой, и снова швырнуло на пол.

На этот раз бандит не сразу встал. Он удивленно уставился на удивительную девушку, затем нашел своего напарника и пролепетал слабым голосом:

– Что это?

– Это не что, – ответил долговязый напарник, отступая к кровати, – это кто! Это Вероника Глухарева, чемпион страны по боевым единоборствам в суперлегком весе!

– Значит, это не Алина?

– Догадался наконец!

– И что теперь делать? – проговорил низкорослый, наконец поднявшись на ноги и увидев, что суперлегкая Вероника приближается к нему с угрожающим видом.

– Вот что! – долговязый достал из подплечной кобуры пи-

столет, навел его на Веронику. – Против лома нет приема, кроме другого лома...

Но в этот момент в коридоре раздались какие-то странные звуки, отдаленно напоминающие приближение кавалерийского отряда, дверь спальни снова распахнулась, и в нее влетел Джерри – шестидесятикилограммовый питбуль светло-песочного цвета. Он, не раздумывая, бросился на бандита, в руке которого был пистолет, в полете толкнул его на пол, и страшные челюсти сомкнулись на запястье...

Бандит вскрикнул и выронил пистолет, а потом и сам грохнулся на пол.

В это время в комнату наконец вошла Алина.

Она увидела учиненный там разгром, лежащего на полу без сознания Олега, двух совершенно измочаленных типов в черном, торжествующего Джерри и разгневанную Веронику с нижнего этажа.

– Что здесь произошло... происходит? – проговорила Алина, обращаясь ко всем сразу, и добавила уже одному Джерри:

– Отпусти его, ты ему руку почти отгрыз!

– Это тоже не она! – прохрипел долговязый бандит и бочком выскользнул в прихожую.

– Что происходит? – переспросила ее Вероника. – Я тебе скажу, что происходит! Вы с твоим козлиной мою квартиру к чертям собачьим залили! А у меня ремонт только что сделан!

– Залили? Не может быть!

– Ах не может? – Вероника выскочила из спальни, побежала к двери ванной. На полу перед этой дверью валялся стул, который Джерри сбросил во время своего победоносного штурма квартиры.

Как только стул слетел, Милена выскочила из ванной комнаты, а затем и из квартиры.

Вероника отступила перед Алиной, чтобы та своими глазами могла увидеть потоп.

– Значит, говоришь, не может быть? – повторила она зловещим голосом.

– Да, ничего себе! – восхитилась Алина. – Ну, не волнуйся, Олег тебе все оплатит. Когда придет в себя.

– Да уж, конечно, оплатит! А не то я ему ноги оторву!

– Верю! – весело сказала Алина. – Насчет этого – верю! А пока, может, кофейку глотнем? Вижу, ты энергии много потратила, пока этих двоих умирjala...

– Да что там! – застеснялась Вероника. – Мне и нетрудно совсем... Вообще-то у меня режим. Ну да ладно.

Олег пришел в себя от звучащего совсем рядом ласкового голоса:

– Милый мой, дорогой, хороший! Какой же ты у меня замечательный! Какой ты храбрый! Ой, что у тебя здесь – ссадина? Ну, ничего, я ее обработаю, и все заживет... ой, не дергайся! Больно? Сейчас подую... А хочешь, я тебя поце-

лую?

Олег узнал голос Алины. Сквозь отступающую дурноту он подумал, что все же в женщинах, при всех их недостатках, есть и хорошие черты. Когда тебе плохо, когда ты пострадал, их ласка может облегчить боль и страдание...

– Ладно, поцелуй! – проговорил он снисходительно.

– Что?! – переспросила Алина совсем другим голосом, в котором не было и тени ласки или сочувствия. – Тебя? Поцеловать? С какой это стати? Что ты мне сделал хорошего?

– А с кем же ты тогда любезничаешь? – Олег открыл глаза и со стоном приподнялся.

Алина сидела на полу. Рядом с ней устроился Джерри, положив ей на колени огромную голову. Алина какой-то мазью смазывала ссадину на его лапе.

Увидев Олега, пес приподнял верхнюю губу, показав внушительные клыки, и едва слышно зарычал: «Тр-р-р-р ее, по-пр-робуй!»

Маша крадучись выскочила из подъезда и проводила глазами удаляющиеся огни черной машины. Надо же, как здорово у нее все получилось! И какие эти двое идиоты...

Она тут же одернула себя. Не следует расслабляться, просто соображение не самая сильная их сторона. Не дай бог столкнуться с ними лицом к лицу, на узкой дорожке, да еще в темное время суток, вот тут они против безоружных женщин очень даже неплохо выступают. Против лома, как известно, приема нет.

– Ну что? – Елена подняла темные от страха глаза. – Получилось?

– Пока да, – осторожно ответила Маша, но Елена, не слушая дальше, выскочила из машины и помчалась к подъезду.

Маша побрела за ней, почувствовав вдруг нечеловеческую усталость. Нужно хоть немного передохнуть. Рассветало, и, судя по розовым облакам на востоке, день обещал быть солнечным.

Маша вдохнула прохладный утренний воздух. Стало чуть легче.

– Подожди меня! – Она еле успела прихватить дверь подъезда, прежде чем та закрылась.

Елена бегом поднималась на пятый этаж, Маша приехала на лифте чуть позже и прошла в квартиру вслед за ней.

В просторной прихожей Елена препиралась с крупной широкоплечей теткой в криво застегнутом фланелевом халате.

– Нет, ты мне скажи, что же это такое? – напирала та. – Ты сказала, часа на два уйдешь, а сама на всю ночь улепетнула! И даже не позвонила! Нет, я, конечно, все понимаю, что женщина ты молодая, с мужем развелась, так надо личную жизнь устраивать, так отчего меня-то не предупредила? Сижу тут как дура в полном недоумении, приходят какие-то, тебя спрашивают, а я что?

– Ой, тетя Соня, извини, так получилось, я и не знала... – слабо отбивалась Елена. – А как Катюшка-то?

– Прекрасно твоя Катерина, все в порядке, поела да спать легла, ну, мультики мы с ней, конечно, посмотрели, книжку почитали... с ней-то как раз проблем нет...

Елене удалось наконец протиснуться мимо мощной тетки, и она скрылась в одной из комнат.

– А вы кто же будете? – тетка переключилась на Машу. – Подруга ее, значит?

– Вроде того, – ответила Маша, – и... знаете, у нее серьезные неприятности.

– Да уж, вижу, – ворчливо сказала тетка, – явилась вся встрепанная, где-то всю ночь пропадала, уж не у любовника была, от любовника в таком виде не приходят, разве только жена застанет в самый интересный момент. А с Ленкой не то: морда не побитая, волосенки не повыдерганы, значит, не в этом дело.

Маша невольно улыбнулась: тетка начинала ей нравиться.

– Меня Софья Андреевна зовут, – сказала тетка, улыбнувшись в ответ, – а ты...

– Я Маша. – Она слишком поздно сообразила, что представилась настоящим своим именем, а ведь Елена знала ее как Алину. Ну и ладно, что ж теперь делать.

Из-за двери послышался звонкий детский голосок.

– О, разбудила зачем-то! – проворчала тетка.

На пороге появилась Елена, на руках у нее была девочка лет пяти, хорошенькая, как картинка. Белокурые локоны и огромные синие глаза, в данный момент слегка заspanные.

Елена счастливо смеялась, и было видно, как они с дочкой похожи. Исчезло затравленное выражение из глаз, и уголки губ не опускались уныло. Девочка обняла ее за шею и что-то прошептала, Елена понесла ее на кровать.

– Вот, видела, – вздохнула тетка, – красавица писаная, а счастья нет. У них в семье всегда так было: по женской линии все красавицы и все невезучие. Матери наши родные сестры, Катька у тетки поздняя была. Уж такая она была хорошенькая, выскочила замуж в восемнадцать лет, а он ее бросил, как только Ленка родилась. Такой подлец оказался, пробы ставить негде. У него еще жена была в Московской области, а нам врал, что никого нету... Потом уже вышла от полной тоски за этого, приличного слова не подобрать, да и умерла скоро. Бабка наша тоже хороша была, так муж ее утонул по пьянке в реке, потом так замуж и не вышла. И говорили мы Катьке, чтобы дочку Еленой не называла, как бабку, потому как судьбу ее внучка повторить может, а она не послушала, и что вышло? И свою дочку ведь Ленка назвала Екатериной, как мать, Катюшка – это так, по-домашнему. Ох, не к добру все это! – Тетка вздохнула и пошла на кухню.

Стало видно, что она здорово хромает.

– Уложила! – Елена прибежала на кухню. – Господи, как дома-то хорошо! Забыть все это, как страшный сон, и жить, как жила! Даже к мужу бывшему и то как-то стала лучше относиться!

– А зря, – хором сказали Маша и тетка.

Маша тут же замолчала, а тетка продолжала:

– Вот, заморочила голову мне совсем, я и забыла. Как ушла ты, так приходил этот... такой плюгавенький, в глаза не смотрит, слова через губу цедит...

– Жук? – Елена бледнела на глазах.

– А и верно, что жук! – обрадовалась тетка. – Звонил прямо в дверь, я спрашиваю, кто там, а он – от бывшего мужа Кудряшова Виталия Ивановича алименты.

– Какие алименты... – прошептала Елена и плюхнулась на стул, подставленный Машей. – Это мужа порученец, у него фамилия такая подходящая – Жук.

– Порученец? Это кто ж такой будет? – прищурилась тетка. – Чего-то отвези, куда-то сбегай, по-нашему это шестеркой называется. Я-то думала, он и правда денег привез, ну и открыла. А он давай расспрашивать да выпытывать, кто я такая, да что тут делаю и где ты ходишь, если ребенок вот тут со мной.

– А вы что?

– А какое твое дело, говорю, мил человек? Тебе велено деньги передать, ты и передавай, насчет меня не сомневайся, никуда денежки не денутся, все Елене с ребенком достанутся. А кто я такая, тебя, говорю, совершенно не касается. Ну, он говорит, раз так, то ждите неприятностей. И ушел, никаких денег не оставил.

– Никогда он денег не привозит, муж мне на карточку переводит. Он просто меня проверяет, нарочно без звонка яв-

ляется, а потом бывшему докладывает. Ой, что теперь будет! – Елена прижала руки к щекам. – Говорил же он, что, если что узнает – голой на улицу выгонит и дочку отберет.

– А ты не отдавай! – сказала тетка. – Зубами в него вцепись, крик подними, всю морду ему расцарапай!

– Вот, – обрадовалась Маша, – такой подход мне нравится. Слушай тетку, она плохого не посоветует! И вообще, как хочешь, а здесь тебе с дочкой оставаться нельзя. Эти бандиты ведь просто так не отвяжутся, еще придут.

– Точно, я сразу поняла, что бандиты, – подтвердила тетка, – а еще говорили, что из полиции и что ты в больницу попала, а они, мол, сообщить мне должны что-то важное. Нашли дуру – дверь открывать в ночь-полночь!

– Но куда я пойду? – Елена снова смотрела испуганно. – Говорила же тебе, что ничего своего у меня нет!

– Да господи! – Маша схватилась за компьютер, который стоял тут же, на кухне. – Ты как с Луны свалилась!

Мигом нашла она нужный сайт, где сдавались квартиры, и велела Елене собирать пока вещи. Тетка тоже не теряла времени даром и готовила калорийный завтрак.

К тому времени как были готовы блинчики с мясом, Маша нашла подходящую по цене квартирку в Дачном.

– Далеко... – сморщилась Елена.

– Зато дешево!

Договорились пока на неделю, и хозяйка сказала, что заедет туда перед работой, чтобы отдать им ключи. Разбуди-

ли девочку, поели, мигом перетаскали вещи в машину и отбыли, не встретив никого из соседей. Впрочем, как сказала Елена, она компанию ни с кем не водила, бывший муж это не приветствовал.

Милена выскочила из квартиры и побежала по лестнице. Страх пропал, теперь ее терзала холодная ярость. Голова была ясной, как будто не она видела, как Марина убила голыми руками троих здоровых мужчин и как потом она падала на пол с аккуратной дырочкой на виске. И как будто не ее, Милену, везли куда-то в багажнике, да не куда-то, а на смерть.

И кто в этом виноват? Кто втравил ее в эту историю?

Разумеется, Василий Андреевич. Когда все пошло не по плану, он тут же пожертвовал ею, отбросив в сторону, как будто она – апельсиновая кожура на дороге или пустая упаковка от мороженого. Ему, видите ли, оказалась нужна только Эльвира. Ну ладно, ничего, с этой стервой Милена разберется в первую очередь.

Лифт шел наверх. Милена не стала вываливаться из подъезда, а спряталась в закутке возле мусоропровода. И правильно сделала, потому что буквально через пять минут по лестнице скатились двое ее мучителей. Один был еще ничего, во всяком случае, шел сам, хоть и крутил головой, как обалделый.

Со вторым, как с удовлетворением отметила Милена, все было гораздо хуже. Он держал правую руку на весу и подво-

лакивал левую ногу. Первый был красен, как вареный рак, второй – бледен до синевы. По щекам его тек холодный пот, было видно, что идет он с трудом и надолго его не хватит. Так и оказалось, напарник подхватил его, когда он попытался упасть возле двери.

«Так вам и надо!» – злорадно подумала Милена.

Накануне описываемых событий Иван Кочетов подошел к двери собственной квартиры и привычно надавил на кнопку звонка. За дверью раскатилась залиvistая хулиганская трель, но никто не поспешил ее открыть, вообще никто к ней не подошел. Из-за двери не донеслось ни звука.

Что за дела?

Обычно, стоило ему позвонить, как дверь тотчас распахивалась. Чаще всего открывала мать, но иногда и Маруся. Но что с ними обеими случилось сегодня?

Мало того – кроме матери и жены в квартире должен быть Антон. Мог бы и он в кои-то веки открыть родному отцу! Распустили бабы парня! Задницу со стула поднять лень!

Иван позвонил еще раз и еще – но с тем же результатом. То есть без всякого результата.

Тут он вспомнил, что мать с Антошкой с полдня уехала на дачу к своей то ли двоюродной, то ли троюродной сестре. У той дача в каком-то захудалом садоводстве – шесть соток черноплодной рябины и избушка на курьих ножках. Хотя рядом лес, в котором отродясь не бывало грибов, и озеро,

в котором нельзя купаться, потому что на другом его берегу находится птицефабрика, которая спускает отходы в это самое озеро, двоюродная или троюродная сестра отчего-то утверждает, что у них на даче целебный воздух.

Ага, куриным дерьмом несет!

«Зато яйца в магазине дешевые», – утверждала мать, для того и ездила в это садоводство.

Так, с матерью и сыном все понятно, но жена-то где? Она-то должна быть на месте, возле семейного очага? Должна с работы явиться и мужа с горячим ужином ждать.

Иван окончательно убедился, что никто не собирается открывать ему дверь, и полез за собственными ключами.

Открыть дверь удалось не с первой попытки.

Наконец Иван открыл чертову дверь, ввалился в квартиру и мрачным голосом выкрикнул:

– Маруська, ты чего не открываешь? Муж усталый с работы пришел! Ты спишь, что ли?

Но ему никто не отозвался.

Мало того – собственный голос прозвучал гулко и одиноко, как он звучит только в пустой квартире.

Оставалось признать очевидное: дома никого не было.

Иван скинул ботинки, нашарил на привычном месте тапочки, прошел на кухню и устался на стол.

Обычно к тому моменту, как он подходил к этому столу, на нем уже дымилась тарелка горячего супа. Чаще всего – свежих щей с говядиной или куриного супа с лапшой, но

иногда и его любимого борща с пампушками, такого густого, что ложка в нем стояла. Откуда этот суп на столе появлялся, кто его готовил, кто ставил тарелку на стол – его не интересовало. Просто к его приходу с работы суп должен быть на столе. Это закон природы, непреложный, как смена дня и ночи.

Но теперь на столе не было тарелки.

Там были только пыль, хлебные крошки и одинокая муха.

Муха особенно возмутила Ивана.

Он хлопнул по столу кулаком, естественно, промахнулся и задумался – что делать.

Первое, что пришло ему в голову, – позвонить жене.

Он достал телефон, нашел ее номер, но неприятный женский голос мстительно сообщил ему, что абонент находится вне зоны.

– Совсем Маруська оборзела! – припечатал Иван.

В его телефоне был и рабочий номер жены – и он набрал его, хотя время было уже позднее.

Тем не менее ему почти сразу ответил наглый мужской голос. Видимо, у них там ненормированный рабочий день.

– Марию Кочетову! – строго потребовал Иван.

Он вообще придерживался правила, что с незнакомыми людьми нужно держаться строго и без послаблений, иначе они посчитают тебя за слабака и сядут на шею.

– Марию? – переспросил наглый голос и крикнул куда-то в пространство: – Мужики, а где у нас Кочетова?

– Так она же в командировку уехала, в Металлопрокат!

– Кочетова в командировке, – сообщил наглый голос Ивану, хотя тот и так уже все слышал.

Не поблагодарив незнакомца (еще не хватало!), Иван прервал разговор.

В первый момент в голове у него была только одна мысль – что его сегодня никто не накормит.

Затем, вернее, почти одновременно, возникла другая – вот Маруся зараза, укатила в командировку и даже сообщить мужу не удосужилась. И холодильник едой не наполнила.

А потом на смену этим двум нехитрым мыслям пришла третья мысль, как раз довольно хитрая.

У этой третьей мысли было имя. И даже фамилия. Имя и фамилия были такие – Тонька Бабочкина.

Антонина Бабочкина была диспетчером в их гараже и неоднократно бросала на Ивана недвусмысленные взгляды. То есть однозначно давала ему понять, что только мигни – она не против. И дело не ограничивалось одними взглядами – Антонина неоднократно угощала Ивана пирожками собственного изготовления. И при этом снова бросала на него взгляды и даже позволяла себе всевозможные намеки. Пирожки были чаще всего с луком и яйцом, и намеки были соответствующие – не собирается ли он с кем-нибудь целоваться. И если нет, то почему.

А что? Он мужчина видный, представительный, в подходящем возрасте – не мальчишка сопливый, но и не старик.

Опять же какой-никакой, а начальник.

Сама Антонина тоже была ничего себе – совсем еще не старая, подходящей комплекции и вполне аппетитная, прямо как ее пирожки.

Иван не раз подумывал о том, чтобы все эти намеки и взгляды как-нибудь реализовать, но для этого нужно было что-то выдумывать, искать место и время, сочинять какое-то правдоподобное объяснение, а он по природе был чрезвычайно ленив. Лень была самой сильной стороной его натуры и явно перевешивала тягу к удовольствиям.

И вот сегодня судьба, казалось, сама подбросила ему подходящие обстоятельства.

Мать с сыном в отъезде, жена в командировке, и квартира в его полном распоряжении...

Он вспомнил призывные взгляды, вспомнил аппетитные формы Антонины, а заодно – и ее не менее аппетитные пирожки и торопливо набрал номер.

Антонина ответила быстро. Как будто ждала его звонка.

– Антонина Петровна, – проговорил Иван игривым тоном. – Как вы относитесь к тому, чтобы разделить одиночество симпатичного мужчины средних лет?

– Одну секундочку, Инна Викторовна! – странно ответила Антонина. – Что-то слышно плохо...

– Какая еще Инна Викторовна? – удивленно проговорил Иван. – Это же я, Кочетов!

– Я вас поняла, Инна Викторовна! Раз уж это необходимо

– я приеду. Что поделаешь.

И тут же другим голосом она крикнула:

– Это с работы, милый! У них там сменщица не вышла, нужно срочно ехать! Да, сверхурочные оплатят!

«Вот оно в чем дело! – сообразил Иван. – Это она мужу говорит... выходит, у нее муж дома. А Инна Викторовна – это вместо Ивана Васильевича, чтобы на те же буквы началось, чтобы не путаться. Ох, и умная же баба».

Ему, впрочем, до этого не было дела. Лишь бы Тонька приехала. И хорошо бы пожрать привезла.

– И пирожков своих прихватите! – прибавил он прежним игривым тоном. – Инна Викторовна очень проголодалась, а ваши пирожки ей очень нравятся.

– Непременно, Инна Викторовна! – ответила понятливая Антонина. – Все поняла!

На Промышленной улице в доме номер семь наконец наступила тишина. Уехала машина «Скорой помощи», увозя одного человека в больницу, уехал автобус с тонированными стеклами и наглухо запертыми дверями, этот увозил трупы, причем пришлось ему сделать две поездки. Уехали двое уборщиков, которые вычистили помещение, отмыли пол и стены от крови и вообще от следов посторонних людей.

Последними уехали двое незадачливых бойцов, первый повез второго в больницу со сломанным запястьем. К счастью, в момент нападения питбуля на запястье у него были

часы с металлическим браслетом, они спасли руку, а то бы пес отхватил ее напрочь.

У бойца, что сопровождал своего напарника в больницу, у самого кружилась голова и дергалось веко после того, как суперчемпионка с нижнего этажа метнула его в стену. Но перед отъездом он доложил в подробностях начальнику о том, как прошла операция. То есть о том, что они полностью облажались. То есть он-то хотел представить себя в лучшем свете, но голова совсем не соображала.

– Та-ак, – протянул седоволосый мужчина, смотря на бойца с легким презрением, – понятно все с вами. Сгинь с глаз моих, вези этого в больницу, адрес знаешь.

Боец предпочел удалиться.

– Ну? – Седоволосый обвел глазами оставшихся Василия Андреевича и Эльвиру. – И вот что теперь делать? Ты хоть понимаешь, какую кашу заварил? Трупы множатся, как тараканы, а толку – чуть. Ты понимаешь, кого ты выпустил на свободу? Ведь они же, эти двое, они способны полгорода на тот свет отправить!

– Ага, теперь ты понял, что мое открытие уникально! – взвился Василий Андреевич. – Что это буквально переворот!

– Как бы тебя самого не перевернули, да с другого конца не завинтили, – буркнул седоволосый. – Вот узнают там... – он показал вверх. – Узнают – мало тебе не покажется.

– А пускай они не узнают, – задиристо ответил Василий Андреевич. – Это же от тебя зависит.

– Не могу, – вздохнул седоволосый, – приказы надо выполнять. Есть у вас хоть чай какой-нибудь или кофе?

Эльвира молча встала и ушла в крохотный закуток, который служил здесь кухней, и через некоторое время принесла три чашки крепкого с виду черного кофе и тарелку крекеров, которые, надо думать, должны были пойти на завтрак участницам эксперимента.

Седоволосый отпил из своей чашки и недовольно поднял брови: кофе оказался хоть и крепким, но растворимым.

– Если бы ты, – сварливо начал Василий Андреевич, размешав в чашке сухие сливки, – если бы ты не влез со своими идиотами, все было бы иначе...

– А вот, кстати, как ты собирался продолжать? – Седоволосый отставил свою чашку. – Допустим, ты внушал этим бабам ночью свои идеи, облучал их поляризованным светом, а как ты собирался проверить, подействовало на них твое внушение или нет?

– Ну... – Василий Андреевич замялся. – Это второй этап эксперимента, он еще немного недоработан. Но благодаря тебе я наблюдал свой метод в действии!

Седоволосый поймал взгляд Эльвиры.

«Да он же полный псих!» – говорил его взгляд.

Она чуть заметно покачала головой.

«Да, но зато гениален...»

– И где их теперь прикажешь искать? – Седоволосый снова схватился за свою чашку, но вовремя вспомнил, какая га-

дось в ней налита, и не донес чашку до рта.

Они говорили о двух женщинах, поскольку понятия не имели, что одна из них, Маша, не пила молоко с добавленным в него снадобьем. Об этом знала Милена, и, если бы ее встретил у ворот сам Василий Андреевич, она бы, конечно, все ему доложила. Но Эльвира у людей вызывала только отрицательные чувства, с ней никому разговаривать по собственной воле не хотелось, а хотелось сделать ей гадость. Мелкую или крупную, уж как повезет. Эльвира была не промах, так что сделать гадость удавалось единицам.

Так что троица, сидящая за столом, была уверена только в том, что одна из женщин, участвовавших в эксперименте, выдала себя за Алину, а сама исчезла в неизвестном направлении. Как и Елена. Ну, это уж двое бойцов постарались.

«Работнички, – со злостью подумал седоволосый. – Но других у меня не осталось. И за этих-то придется как-то рассчитываться...»

От этой мысли он еще больше помрачнел, но решил, что подумает об этом потом, в более подходящее время.

– Что мы о ней знаем? – спросил он, и Эльвира молча положила перед ним сумку сбежавшей фальшивой Алины.

Ничего особенного, сумка недорогая и неновая, в ней дешевая потертая косметичка, пачка салфеток, пластиковый календарик, одна серебряная сережка со сломанной дужкой и больше ничего, заслуживающего внимания. Ни телефона, ни кошелька, никаких документов, даже квитанции никакой,

чека завалившего и то нет.

Зато был довольно увесистый пакет в плотной желтоватой бумаге.

Эльвира аккуратно сняла клейкую ленту и раскрыла пакет. Он был набит документами, отпечатанными на обычном принтере. Какие-то акты, договора и протоколы.

«ООО «Горизонт» и предприятие «Стекломет»... заключили настоящий договор... стороны обязуются... сроки выполнения работ... штрафные санкции...»

«Акт о сдаче изделия номер...»

«Протокол проведения испытаний...»

«Договор заказа...»

И далее в том же духе, целая пачка. На всех документах фигурировали две фирмы – «Горизонт» и «Стекломет».

Эльвира, повинувшись едва заметному повороту головы седоволосого, уже искала информацию в компьютере.

Фирм с названием «Горизонт» было несколько.

Мигом отбросили фитнес-центр и также торговый комплекс, магазин телевизоров, который существовал уже лет тридцать и все эти годы не менял названия, и остановились на одной фирме, которая занималась изготовлением изделий из технического стекла. Потому что договор был заключен с предприятием «Стекломет», что наводило на мысли о техническом стекле и изделиях из него. Эльвира вывела на экран адрес и часы работы фирмы. Что ж, время уже подошло.

– Иди сама, – вздохнул седоволосый, – у меня уж и людей

не осталось. А кто остался, ни на что не годны. Опять же к женщине доверия больше. Легенду дать?

– Мне бы удостоверение сотрудника полиции.

– Сделаем, – кивнул седоволосый, подумав про себя, что баба жутко противная, но работник, видно, хороший, не зря Василий Андреевич так за нее держится.

Всеми готов пожертвовать, а про Эльвиру и слышать не хочет! Мне, говорит, она нужна, она полностью в курсе всего, всех деталей эксперимента, за ней, говорит, я как за каменной стеной... Так может, если она полностью в курсе его дел... он-то становится совершенно неадекватным...

Тут он снова перехватил внимательный взгляд Эльвиры, было такое впечатление, что она прочитала его мысли.

Вот интересно, он еще и подумать-то толком не успел, а она уже кое-что сообразила. Да, неглупая баба, хваткая, и, судя по всему, без моральных ограничений, ишь, как она с Миленой-то быстро разобралась.

Тут он вспомнил, что двое его бойцов так и не сказали, куда они отвезли тело Милены. Ладно, потом он спросит, не забыть бы, этих двоих нужно постоянно проверять...

Кстати, хотя Эльвира неглупая и хваткая, доверить операцию только ей нельзя. Придется ее подстраховать...

Как только Эльвира ушла, седоволосый набрал на мобильном телефоне номер. Ему почти сразу ответил неприятный, слишком высокий для мужчины голос:

– Отдел технической поддержки!

– Здравствуй, Телепнев!

– Простите, с кем я говорю? – голос в трубке стал еще выше.

– А вот это тебе знать не обязательно!

– То есть как? Я немедленно прерву разговор...

– Нет, не прервешь. И кстати, я знаю, что наш разговор записывается... так вот, сделай так, чтобы запись прекратилась. Ты ведь отдел технической поддержки, значит, ты это можешь!

– С какой стати?

– С такой, что это в твоих же интересах. Ты ведь не хочешь, чтобы твое начальство узнало, где ты был две недели назад? И не только начальство...

– Замолчите!

– Я же говорю – в твоих интересах отключить запись!

Причем как можно быстрее!

– Сейчас... одну секунду... вот, я ее отключил! Так кто вы, черт возьми, такой?

– Повторяешься, Телепнев! Я ведь сказал, что тебе это знать не обязательно.

– Что вам от меня нужно?

– А вот это уже правильный вопрос! А нужно мне, Телепнев, чтобы ты записал парочку телефонных номеров и сообщил мне, когда эти номера активизируются. И кстати, передал мне их координаты. Со всей возможной точностью.

– Вы с ума сошли! Меня за это выгонят с работы!

– Ах, Телепнев, Телепнев! Ты так ничего и не понял! Тебе сейчас не о том нужно думать, чтобы не вылететь с работы, а о том, чтобы не попасть в очень неприятное место...

– О чем это вы?

– О зоне, Телепнев, о зоне!

– С чего это?

– Ты, кажется, забыл, что я знаю, где ты был две недели назад? Могу напомнить: ты был в гостинице «Пале Рояль»... и был ты там не один, а с неким Виталиком...

– Ну и что? У нас за это больше не сажают!

– А вот тут ты ошибаешься, Телепнев! Не сажают, если все происходило по взаимному согласию между двумя совершеннолетними людьми...

– У нас все и было по взаимному...

– Да, может быть, и по взаимному. Но только ты не учел, сколько лет твоему знакомому Виталику.

– Сколько? – в голосе прозвучал страх. – Он сказал, что ему девятнадцать...

– Так вот, Телепнев, он тебя обманул. Виталик, конечно, выглядит старше своих лет, но на самом деле ему всего семнадцать. А ты понимаешь, что это значит!

– Не может быть!

– Очень даже может!

– Что же теперь будет?

– Будет именно то, что я тебе сказал: ты запомнишь два

телефонных номера и, как только любой из них или оба активизируются, сообщишь мне по третьему номеру, который тоже запомнишь. А еще сообщишь мне их координаты...

Ирина Лоскутова обладала природным чутьем на скандалы и неприятности. Причем неприятности исключительно чужие, от которых сама Ирина получала чистое, незамутненное удовольствие. Чужие неприятности подпитывали Лоскутову, как мультивитамины подпитывают ослабленного подростка.

Вот и в этот день у нее с самого утра было такое чувство, что сегодня непременно что-нибудь произойдет. У нее даже ноздри раздувались от предвкушения.

Где-то к середине рабочего дня это чувство стало настолько сильным, что Ирина не выдержала, ушла со своего рабочего места и ошивалась возле входа в офис. Она делала вид, что кокетничает с охранником Витасей, но на самом деле ждала.

И дождалась.

Дверь открылась, и в холл перед постом охраны вошла худощавая (по мнению Лоскутовой, костлявая) женщина средних лет (по мнению Лоскутовой, почти старуха).

У этой женщины были коротко стриженные черные волосы («ворона облезлая», – подумала Лоскутова), глаза сильно подведены («кошмар на улице Вязов»), узкие губы плотно сжаты и покрашены малиновой помадой («ужас, летящий на

крыльях ночи»), одета она была в строгий черный костюм («отстой и убожество»). На плече у нее висела черная сумка, примерно такая, какие в старых фильмах носят офицеры на полевых учениях, кажется, называется планшет.

Однако по всему выходило, что именно эта женщина принесет в фирму долгожданные неприятности. Неприятности сквозили в ее мрачном, зловещем взгляде, неприятности трепетали на ее узких, как бритвенное лезвие, губах.

Лоскутова замерла в предвкушении.

Мрачная женщина подошла к Витасе и не успела еще ничего сказать, как тот выпалил, имитируя служебное рвение:

– Пропуск!

Женщина разлепила узкие губы, подведенные малиновой помадой, и произнесла скрипучим голосом:

– Полиция!

И в подтверждение своих слов раскрыла перед Витасиным лицом красную книжечку удостоверения. Раскрыть раскрыла, но в руки Витасику не дала, хоть он и потянулся взять.

– Поли-иция? – протянул Витася совсем другим тоном. – А что случилось-то?

– Я что, каждому хомяку докладывать буду? – отчеканила незнакомка, смерив Витасю неприязненным взглядом.

– Это почему хомяку? – обиженно пропыхтел Витася, подтягивая живот. – Это с какой стати хомяку? Я, между прочим, нахожусь при исполнении служебных обязанностей и не потерплю, чтобы всякие посторонние...

– Потерпишь! Вижу я твои обязанности! – Мрачная особа скользнула взглядом по Лоскутовой, и той показалось, что этот взгляд ее порезал на несколько неровных кусков. – Это я нахожусь при исполнении, а ты меня задерживаешь!

– А что я? Я ничего... я не задерживаю... особенно если при исполнении... – испуганно залепетал Витасик. – А что вам конкретно нужно?

– Мне конкретно нужен ваш начальник!

– А я вам сейчас покажу! – вылезла вперед Лоскутова. – Я вас сейчас к нему в кабинет провожу!

Ирина поняла, что перед ней возникла счастливая возможность узнать все из первых рук.

– Ну, проводи, – согласилась брюнетка, снова взглянув на Лоскутову, но уже с некоторым интересом.

Ирина провела нежданную гостью по коридорам фирмы, довела до кабинета начальника, но не ограничилась этим. Она привычным движением открыла дверь кабинета и вошла в него вместе с роковой брюнеткой, торжественно сообщив:

– Сергей Николаевич, к вам женщина из полиции!

Затем она закрыла дверь изнутри и встала около нее с таким видом, что ясно было – никакая сила ее с этого места не сдвинет.

– Из полиции? – Шеф удивленно и растерянно взглянул на мрачную незнакомку.

– Из полиции! – отчеканила та. – Капитан Свиристенко! –

и открыла перед шефом свое удостоверение. Однако в руки не дала.

«Как и Витасику», – отметила Лоскутова.

– И что же вас привело в нашу скромную фирму? – осторожно осведомился шеф.

– Вот это, – брюнетка расстегнула свою огромную сумку и выложила на стол перед шефом довольно объемистую и слегка помятую стопку документов.

Лоскутова до хруста вытянула шею и сумела разглядеть на верхнем документе название их фирмы. Больше того – у нее возникло подозрение, что это – те самые документы, которые шеф хотел передать в Металлопрокат. Ей самой с трудом удалось отвертеться от этого поручения, и в итоге документы отдали Кочетовой.

Этой тухе и мямле Кочетовой, о чем Лоскутова вспомнила сейчас не без удовольствия, поскольку, для того чтобы отвертеться от командировки, ей пришлось приложить максимум усилий.

– Это ведь ваше? – осведомилась брюнетка.

– Да... как будто наше... – неуверенно протянул шеф, перебирая документы.

Неуверенность в его голосе была не оттого, что он сомневался, его ли фирме принадлежат эти документы, а оттого, что он лихорадочно соображал, как они могли попасть в полицию и чем этот неприятный факт лично ему угрожает.

– А как они у вас оказались? – спросил он наконец.

– Вообще-то я не должна сообщать посторонним детали следствия, – проскрипела брюнетка.

– Разве я посторонний? – вклинился шеф. – Вы же ко мне пришли с вопросами...

– Дайте договорить! Вообще-то я не должна, но поскольку в данном случае речь идет об установлении важных для следствия фактов, я, так и быть, сообщу...

Лоскутова в этот момент решала две архиважные задачи: во-первых, стать как можно незаметнее, чтобы эта чернявая зараза забыла о ее существовании и не выставила из кабинета в самый интересный момент, и, во-вторых, чтобы не пропустить ни одного ее слова.

– Сегодня ночью в зоне отчуждения железной дороги обнаружен неопознанный труп. Документов при нем не обнаружено, но найдены вот эти бумаги, так что у следствия возникло предположение, что вы можете помочь с установлением личности...

– Труп?! – в один голос выпалили шеф и Лоскутова.

Похоже, что брюнетка только сейчас осознала, что Ирина находится в кабинете, и повернулась к ней. Выражение ее лица не обещало ничего хорошего, и поэтому Лоскутова торопливо заговорила, пока ее не выставили за дверь:

– Я, я вам могу помочь с установлением личности! Это наверняка Мария Кочетова.

– Кочетова?! – переспросил шеф, и на лбу у него нарисовались морщины.

– Ну да, конечно, Кочетова! Ведь вы ее вчера с этими документами отправили в командировку, в Металлопрокат...

– При чем тут я? – поморщился шеф. – Я тут совершенно ни при чем! Командировка была заранее запланирована...

– Пойдите! – перебила его полицейская брюнетка. – Мне эти ваши проблемы неинтересны. Мне интересно другое. Значит, неопознанный труп – это ваша сотрудница Мария Кочетова... сообщите мне ее адрес, телефон и прочие личные данные. Мне нужно связаться с ее близкими для... для опознания и прочих процедур.

– Это вам нужно к Антонине Ивановне, – затараторила Лоскутова, – она вообще-то бухгалтер, но кадрами тоже занимается, потому что у нас фирма небольшая и отдельного кадровика нет, так что у нее все личные данные есть...

Шеф поморщился – ему не нравилось, что Лоскутова всюду лезет и перебивает его, и вообще слишком много говорит, но в то же время хотелось как можно скорее отделаться от полицейской капитанши.

– Да, верно, вам нужно к Антонине Ивановне, – подтвердил он. – Лоскутова, проводи даму... извиняюсь, капитана!

Таким образом, он избавлялся сразу и от полицейской брюнетки, и от настырной Лоскутовой.

В этом его интересы совпадали с интересами Ирины. Она оставалась в центре событий.

Проводив мрачную брюнетку к бухгалтеру и убедившись, что та записала координаты Кочетовой, Ирина побежала по

комнатам, распространяя сенсационную новость.

Через полчаса весь коллектив фирмы точно установил, что Мария Кочетова пыталась продать доверенные ей шефом секретные и наиважнейшие документы конкурентам, но при обмене этих документов на деньги что-то пошло не так, и конкуренты выбросили Марию из поезда на полном ходу.

Распрощавшись с Еленой и оставив ее на попечение толковой тетки, Маша отправилась к себе домой. Она вспомнила, что свекровь собиралась поехать с Антоном к своей родне, надеялась, что муж уже ушел на работу и дома никого нет, так что можно будет привести себя в порядок и хоть немного отдохнуть после ужасной ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.